

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ
В ТРАДИЦИОННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ПЯТЬ ЖЕНЩИН,
ПРЕДАВШИХСЯ ЛЮБВИ» ИХАРА САЙКАКУ И «СВЕРСТНИКИ»
ХИГУТИ ИТИЁ)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.01 Педагогическое образование, профиль История
заочной формы обучения, группы 02031354
Гуськова Виктора Викторовича

Научный руководитель
канд. ист. наук, доцент
Дудка А.И.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	Ошибка! Закладка не определена.
Глава I. Историко-культурные особенности формирования моральных ценностей японского традиционного общества.....	16
1.1 Традиция в понимании японцев.....	16
1.2 Японский национальный характер.....	23
1.3 Социокультурные традиционные ценности Японии.....	31
Глава II. Ихара Сайкаку: эпоха и произведение «Пять женщин, предавшихся любви» о традиционных ценностях и их месте в системе отношений японского общества.....	43
2.1 Эпоха Ихара Сайкаку: Япония XVII века.....	43
2.2 Произведение Ихара Сайкаку и морально-этические ценности того времени.....	51
Глава III. Хигути Итиё: эпоха и произведение «Сверстники» о традиционных ценностях и их влиянии на развитие японского общества.....	57
3.1 Эпоха Хигути Итиё: Япония во второй половине XIX века.....	57
3.2 Хигути Итиё и ее произведение в свете моральных ценностей Японии второй половины XIX века.....	60
Заключение.....	66
Библиографический список.....	71

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена пристальным вниманием к изучению культурных и духовных традиций Востока, в общем, и Японии – в частности, к её духовно-нравственным ценностям. Японская культура, ее моральные ценности представляют интерес для исследования в силу национально-этнической самобытности и особой религиозной и культурной идентичности этой страны. Все общественные процессы, так же как и поведение человека, в рамках японских социальных и культурных традиций рассматриваются и оцениваются с этических и религиозных позиций. Нормы морали и духовные ценности, оставаясь актуальными и востребованными с древнейших времён и до наших дней, выполняют очень важную регулирующую функцию в японской культуре и поэтому имеют определяющее значение для мировоззрения японцев. Именно они (т.е. нормы морали и духовные ценности) обеспечивают стабильность и устойчивость японской цивилизации на протяжении всей истории этой страны¹. Без внимательного изучения духовно-нравственных ценностей невозможно понять и смысл внутреннего содержания различных проявлений японской культуры и невозможно выстраивание, и налаживание нормального общения между представителями западной и восточной цивилизаций. Японское общество, несомненно, интересно для изучения в силу уникального сочетания в нём истинно восточных и традиционно западных ценностей².

Начиная со времен великого путешественника Марко Поло и до сегодняшнего дня интерес Японии не только угасает, но, наоборот, увеличивается из года в год. Сам Марко Поло, никогда не бывавший в Японии («он достиг лишь Китая и прожил в нём около 17-лет»³), описал её по рассказам китайцев. Страну, расположенную на Японских островах, Марко

---

¹ Пронников В.А. Японцы: этнографический очерк. – М., 1983.

² Сычева Е.С. Традиционные ценности в современной массовой культуре Японии / Е.С. Сычева // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2 (35). – С. 260-263.

³ Цит. по: Цед Н.Г. Дух самурая – дух Японии. – СПб., М., 2000. – С. 17.

Поло называл Чипунгу. Написанная в 1298 году с его слов «Книга» – один из первых источников знаний европейцев о странах Центральной, Восточной и Южной Азии. Именно его сообщения о Японии послужили толчком к дальнейшему исследованию этой страны. Вот что он писал о стране Чипунгу: «Это очень большой остров, лежащий в открытом море. Жители этой страны имеют белый цвет кожи, они красивы и учтивы, поклоняются идолам, независимы и никому не подчиняются»⁴. Лишь спустя несколько столетий европейцы открыли для себя эту страну. К середине XVI в. достоверные сведения об этой стране, собранные португальскими и голландскими купцами и, особенно, христианскими миссионерами, достигли Европы. Миссионеры, прибывшие на эти острова с целью распространения христианства, начали изучать традиции, обычаи, обряды, культуру и историю Японии. Португальцы Луиш Фрош и Франсиско Ксавье, итальянец Алесандро Валиньяно, англичанин Уильям Адамс – были удивительно точны в своих наблюдениях, им удалось подметить типично японские черты характера. Их понятия о чести, чувстве собственного достоинства вызывает восхищения, а учтивость и добропорядочность говорили о хорошем воспитании. Иезуит Алесандро Валеньяно отмечал воспитанность и благородство японцев - качества, выраженные у них более чем у любого другого народа. Далее он говорил, что традиции японцев настолько самобытны, что понять этих людей бывает нелегко: «То, что в Европе воспринимается как вежливость и достоинство, здесь представляется оскорбительным и вызывающим и может расцениваться как обида»⁵. Все эти наблюдения не потеряли своей актуальности и в наши дни. Многие отличительные черты японцев не изменились с течением времени, поэтому то, что было отмечено первыми исследователями, ещё и сегодня представляет научный интерес для изучения национального менталитета этого народа.

---

⁴ Там же. – С. 20.

⁵ Там же. – С. 22.

Актуальность анализа формирования и развития нравственных ценностей в литературном творчестве заключается в том, что в нем показаны моральные ценности в своем развитии. Художественное творчество – это огромная и важная веха на пути развития культуры. Оно отображает всю сложность и многоплановость процесса формирования и развития культурных и социальных систем, то есть показывает сложность перехода из одного состояния в другое, происходящее под влиянием изменения самой господствующей системы ценностей, поэтому так важно использовать литературный текст в историческом исследовании. В японской художественной литературе представлена вся палитра проблем, нравственных феноменов и изменений в обществе и культуре, которые происходили на протяжении столетий, и, поэтому, соответствующий анализ литературных источников позволит еще глубже исследовать нравственные феномены традиционного японского общества. Литературное произведение как некая проекция культуры содержит в себе большую часть моделей поведения, которые присущи носителям морально-этических норм и культурных ценностей, и создается под влиянием социокультурных причин развития общества в целом и нравственных феноменов в частности. Таким образом, можно сказать, что литературное творчество – это некая концентрация неповторимой японской культуры и истории, японского менталитета.

Степень изученности проблемы.

В зарубежной и отечественной научной литературе исследованию традиционной культуры Японии уделяется большое и пристальное внимание. Во второй половине XIX в. изучение этой страны стало складываться в комплексную науку – японоведение. В начале ее формирования значительный вклад в нее внесли американские и английские ученые во главе с У. Гриффисом (1843-1928) и Б. Чемберленом (1850-1935), которые открыли для Запада исторические и географические особенности, литературные произведения, культурную уникальность Японии.

Большое значение рассматриваемая проблема имела в рамках русской школы японоведения XIX века, главной особенностью которой было наличие преимущественного внимания к вопросам истории, культуры, этнографии, языка. Труды исследователей имели, в большей степени, описательный характер. Этим отличаются работы М. И. Венюкова⁶, И. Ф. Крузенштерна⁷.

У истоков советской школы изучения истории и культуры Японии стояли А. Гальперин⁸, А.Е. Глускина⁹, Н.И. Конрад¹⁰, заложившие основы большинства современных направлений отечественного японоведения, раскрывавшие основные закономерности развития японского общества. Исследования японского искусства, литературы, языка посвящены работы таких ученых, как М.В. Воробьев¹¹, К.А. Попов¹², на основе собранного этнографического и археологического материала.

Позже получили развитие исследования властных отношений, политических процессов, демократических преобразований и проблем политико-культурной преемственности. В этом направлении работают Д.В. Петров¹³, В.В. Рамзес¹⁴ и многие другие. На современном этапе политическая культура Японии рассматривается в контексте взаимовлияния политики и религии, взаимодействия политики и искусства. Так, в контексте диалога религии и политики рассматривают политические традиции Я.Б. Радуль-Затуловский¹⁵. В историческом направлении по проблеме формирования

---

⁶ Венюков М.И. Очерки Японии. – СПб., 1869.

⁷ Крузенштерн И.Ф. Первое российское плавание вокруг света. – М., 2007.

⁸ Гальперин А.Л. Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVII в. середине XIX в. / А. Л. Гальперин // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1956.

⁹ Глускина А.Е. Заметки о японской литературе и театре: древность и средневековье. – М., 1979.

¹⁰ Конрад Н.И. Очерки истории культуры средневековой Японии: VII-XVI века. – М., 1979.

¹¹ Воробьев М.В. Древняя Япония: историко-археологический очерк. – М., 1958.

¹² Попов К.А. Законодательные акты средневековой Японии. – М., 1984.

¹³ Петров Д.В. Япония наших дней. – М., 1979.

¹⁴ Рамзес В.Б. Японский калейдоскоп. – М., 2006.

¹⁵ Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. – М., Л., 1947.

японской национальной культуры работают Л.Д. Гришелева¹⁶, И.Д. Ладанов¹⁷, А.Н. Мещеряков¹⁸ и другие авторы. Анализ соотношения духовно-культурного и политического осуществляют в своих трудах Е.В. Верисоцкая¹⁹, В.В. Овчинников²⁰. Теорию модернизации японского общества обосновывают С.Б. Маркарьян²¹, Э.В. Молодякова²². Отражению культурных фактов, морально-нравственных феноменов в литературных произведениях и возможности их истолкования в рамках культурного и исторического процесса посвящены работы Ю.С. Румак²³.

Таким образом, исследованию проблем формирования и развития моральных ценностей и их роли в традиционном обществе посвящены многие научные труды, но нами была предпринята попытка сравнить преобладавшие в японском обществе той эпохи официальные подходы моральным ценностям неофициальный взгляд на них через мнение отдельных писателей изучаемого исторического периода.

Объектом исследования является японская культура XVII-XIX веков.

Предмет исследования – морально-этические ценности традиционного японского общества как историко-культурная ценность.

Географические рамки исследования включают в себя территорию Японии.

---

¹⁶ Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры: конец XVI - начало XX вв. – М., 1986.

¹⁷ Ладанов И.Д. Японцы. Этнопсихологические очерки / И.Д. Ладанов, В.А. Пронников. – М., 1996.

¹⁸ Мещеряков А.И. Древняя Япония: культура и искусство. – М., 1991.

¹⁹ Верисоцкая Е.В. Эволюция либеральных взглядов в японском обществе в 1870-1880-х гг. – Владивосток, 1990.

²⁰ Овчинников В.В. Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы. – М., 1988.

²¹ Маркарьян С.Б. Образ жизни и ценностные ориентации японцев в преддверии XXI в. / С.Б. Маркарьян // Япония: Мифы и реальность. – М., 1999.

²² Молодякова Э.В. Японское общество: Книга перемен / Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарьян. – М., 1996.

²³ Румак (Федукина), Ю.С. Традиции гендерных отношений в японской культуре: средние века / Ю.С. Федукина // Перспективы общественного развития в эпоху столкновения цивилизаций: сб. науч. работ: в 2 ч. – Саратов, 2007. – Ч. 1. – С. 192-197.

Хронологические рамки исследования охватывают период с XVII века до конца XIX века. В процессе работы приходилось обращаться к более поздним или к более ранним периодам японской истории, что было необходимо для изучения формирования и распространения моральных ценностей в традиционном японском обществе.

Цель данного исследования – изучить основные традиционные японские ценности и выяснить их роль в японском обществе данного исторического периода, используя художественные тексты японской прозы.

Задачи исследования заключаются в следующем:

- рассмотреть историко-культурные особенности формирования основных моральных ценностей традиционного японского общества.

- изучив представление о моральных ценностях традиционного японского общества в XVII веке, проанализировать их раскрытие в произведении Ихара Сайкаку «Пять женщин, предавшихся любви».

- проанализировав изменение представлений о традиционных моральных ценностях японского общества в XIX веке, найти их отражение в произведении японской писательницы Хигути Итиё «Сверстники».

Характеристика источниковой базы исследования. Наиболее ранними источниками по исследуемой теме являются – «Кодзики» (яп. «Записи о деяниях древности») и «Нихонги» (яп. «Анналы Японии») ²⁴ – летописно-мифологические своды, основа учения и ритуалов синтоизма. «Кодзики» – крупнейший памятник древнеяпонской литературы, собрание мифов, легенд, древних песен и исторических хроник. Работа по написанию этого мифологического и героического эпоса была окончена около 712 г. Этот источник содержит и космогонические мифы и мифы о богах-прародителях, о сотворении Японии (страны Ямото), цикл мифов о героических подвигах героев и Божественных предках, а также описывается деятельность их потомков на Земле, рассказывается о происхождении отца легендарного

---

²⁴ Кодзики: Записи о деяниях древности, Нихонги: Анналы Японии [Электронный ресурс]. – URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=5475> (дата обращения: 05.03.2017).

вождя японского племени Ямото - первого императора Японии Дзимму. Содержатся здесь и исторические предания о вожде союза японских племён Одзин и некоторые исторические события до начала VII века. Центральным мифом в произведении является история рождения богини солнца Аматаэрасу, от которой якобы происходит несменяемая династия японских императоров. Главной задачей этого литературного памятника было показать божественное происхождение страны, народа и ее правителей, и их связь с богами. «Нихонги» – один из древнейших письменных памятников Японии. Но в отличие от «Кодзики», где собраны мифы и сказания о богах, «Нихонги» – это подробная хроника жизни страны, в которой приводится генеалогия императоров, которые управляли страной до конца VII века. Настойчиво проводя идею об особой роли правителей, имеющих божественное происхождение, и «Кодзики» и «Нихонги» учили японцев больше думать об императоре и государстве, нежели о себе и своих близких. Тем самым, создавались такие моральные ценности традиционного японского общества как сплоченность народа вокруг правителя, послушание и коллективизм, уважение и лояльность по отношению к старшим и вышестоящим. И, таким образом, создавалось патриархальное устройство японского общества.

Представляет большой интерес такой источник, как «Бусидо. Путь воина»²⁵ – свод правил и норм, регламентирующих поведение воина – самурая в бою, в обществе, наедине собой. Первоначально он формировался только как кодекс воина, но благодаря включению в него различных морально-этических, эстетических правил к XVI – XVII вв. оформился как кодекс самурайской этики. На формирование этого кодекса оказали большое влияние и синтоизм, и буддизм, и конфуцианство. «Бусидо» признавал единственным достойным занятием для самурая военное дело, требовал от воина беспрекословной верности (вплоть до самопожертвования) своему

---

²⁵ Бусидо. Путь воина. – М., 2016.

сюзерену, а если самурай не справлялся со своими обязанностями, и его честь была опозорена – предписывал самоубийство. Но при всём этом воин в мирное время должен был заниматься изучением наук, упражняться в поэзии и постигать секреты чайной церемонии. Духовный смысл «Бусидо» сводится к тому, что настоящий самурай должен жить, понимая, что может умереть в любую минуту, тем самым полностью меняя в себе восприятие мира и жизни. Благодаря такому настрою человек живёт более осознанной жизнью, наполняя каждую минуту своего существования смыслом и значением, которые не понимают обычные люди, погруженные в суету повседневных дел. От женщин же «Бусидо» требовал целомудрия и беззаветной преданности своему мужу. Малейший намёк на их нарушение мог караться смертью нарушительниц этих правил.

Другим источником по самурайской этике является такой трактат, как «Хагакуре. Кодекс чести самурая»²⁶ – произведение Ямамото Цунэтомо, писателя-самурая, жившего в середине XVII- начале XVIII веков – наиболее авторитетный трактат, посвященный бусидо, который он провозглашает как «Путь смерти», тем самым призывая самураев быть готовыми умереть в любой момент во имя сохранения своего доброго имени, своей воинской чести. Появился этот трактат в противовес чрезмерно изысканным вкусам японской знати, жившей в эпоху автора, – как само отрицание существовавших тогда ценностей, тем самым бросая вызов мнению большинства, отказываясь от позиции просто стороннего наблюдателя. В этом произведении собраны многочисленные истории, рассказывавшие о воинском долге, доблести на поле боя, ответственности и совести, терпимости и сострадания, о стремлении к самосовершенствованию в профессиональной и духовной сферах. И также затрагиваются вопросы выстраивания отношений в семье, даются рекомендации по воспитанию детей. Несмотря на то, что в этом трактате даны правила поведения самурая

---

²⁶ Цунэтомо Я. Хагакуре. Сокрытое в листе. Кодекс чести самурая. – М., 2016.

на все случаи жизни, – это не просто сборник наставлений, – это скорее некая методика постижения мира и обретения мудрости. По словам Юкио Мисимы: «В этой книге отразилась великая свобода людей, жизнь которых жестко регламентирована социальной моралью...»²⁷

Еще один литературный источник, который использовался при написании исследования, – это «Записки у изголовья» Сэй Сенагон²⁸ – классическое японское произведение хэйанской эпохи (IX-XII вв.) и принадлежит к жанру «дзуйхицу» (буквально – «вслед за кистью»), то есть к жанру дневниковых записок, эссе. «Записками у изголовья» назывались тетради для личных заметок, дневников. Произведение было написано в 986-1000 гг. Сама автор состояла в свите императрицы Садако – она и стала одним из центральных персонажей произведения, которое содержит и бытовые сцены, и описание погоды и природы, и стихи, и описание дворцовых праздников, и философско-поэтические рассуждения автора. Таким образом, это и другие похожие произведения – настоящая энциклопедия обычаев и нравов той эпохи и неисчерпаемый источник информации о культуре, обычаях, жизни Японии того времени.

Наибольшее внимание при подготовке данного исследования уделялось такому произведению, как «Пять женщин, предавшихся любви» Ихара Сайкаку²⁹ (XVII в.) – произведению японского классика эпохи «Эдо». Ихара Сайкаку – крупнейший писатель эпохи позднего феодализма в Японии, периода «Токугава» (1600-1868) – другое название эпохи «Эдо». Уже после смерти писателя его произведения были отнесены к жанру «укиё-дзоси» (яп. «повести об изменчивом мире» или «повести из нашей жизни»). Этот жанр был известен и ранее и включал незатейливые рассказы о

²⁷ Мисима Ю. Хагакуре Нюмон [Электронный ресурс]. – URL: <http://royallib.com/book/hagakurenyumon.html> (дата обращения: 05.03.2017).

²⁸ Сад плененных сердец. Классическая любовная проза Востока: Пер. с араб., перс., урду., малайск., кит., санскрит., япон. – М., 1989.

²⁹ Сайкаку И. Пять женщин, предавшихся любви [Электронный ресурс]. – URL: <http://litrus.net/book/read/95772> (дата обращения: 06.03.2017).

горожанах. Благодаря творчеству Сайкаку он достиг необыкновенной художественной высоты. Великолепный мастер короткой новеллы, он воссоздал пестрый и шумный мир средневекового города. Перед читателем открывались двери буддийских храмов, императорских дворцов и «веселых домов». Его главные герои - отцы семейств и проститутки, чистые сердцем девушки и беспутные развратники, трудолюбивые ремесленники и сметливые приказчики. Но где бы ни происходило действие его новелл, всюду речь идет о любви, ради которой герои способны жертвовать жизнью, о страсти и чувственных наслаждениях. Среди множества замечательных творений мастера, относящихся к любовному циклу, особое место принадлежит книге «Пять женщин, предавшихся любви» (1686), представляющей собой цикл новелл о судьбах женщин, старавшихся активно проявлять свои чувства. Настойчивая тенденция Сайкаку показать силу стремления человека к личной свободе, к свободному чувству противоречила строгим догмам буддийской и конфуцианской морали. Как подлинный новатор, Сайкаку сумел раздвинуть границы «дозволенного» и положил начало новому жанру «косёку-моно» (яп. «повести о любви»), подняв его до уровня настоящей литературы.

Вместе с названным произведением Ихара Сайкаку в исследовании использовалась еще одна литературная работа – «Сверстники» Хигути Итиё³⁰. Это социально-психологическая повесть японской писательницы конца XIX века о странном, порой страшном и удивительном мире квартала «красных фонарей», о жизни подростков, живших в этих кварталах и о выборе ими жизненного пути. Она написала всего несколько повестей до своей ранней смерти от болезни. Её творчество - одновременно последний штрих в традиционной японской литературе XVII-XIX вв. и заря новой литературы. Содержание повести – это некий образец искусства превращать

---

³⁰Хигути И. Сверстники [Электронный ресурс].. – URL: http://royallib.com/book/itiyo_higuti/sverstniki.html (дата обращения: 06.03.2017).

самый обыкновенный жизненный материал в высокохудожественное произведение. Действие повести разворачивается в так называемых «весёлых кварталах». Фасад этой жизни – артисты, изящные искусства, наряды. Но изнанка – сутенёрство и проституция. Поэтому вызывают сожаление будущие судьбы именно детей – лавочных мальчиков, разносчиков, маминих дочек, над головами которых нависла страшная обреченность и безысходность, в том числе и «благодаря» боязни нарушить сыновий и дочерний долг. Ещё ничего не решено, а одновременно предрешено все и обжалованию не подлежит: один пойдёт по стопам отца служить святыням, другая – по стопам сестры – в куртизанки.

В японской литературе исследуемого периода, в частности, в двух произведениях литераторов – Ихара Сайкаку и Хигути Итиё – моральные ценности получили раскрытие и обоснование, и представлены наиболее рельефно на примере такого чувства, как любовь, сыновий долг, уважение и почтение к старшим. Эти моральные ценности авторы трактуют весьма широко – идя, иногда, вразрез с теми взглядами, которые господствовали в японском общественном мнении той эпохи. Возможность соотнести официальный взгляд на мораль, а также, мнение известных японских писателей того времени на моральные ценности традиционного общества, для нас представляла определенный интерес. Поэтому мы и предприняли попытку использовать данные работы как источники изучения морально-этических ценностей определенного исторического периода.

Методология и методы исследования. Методологической базой исследования выступают идеи цивилизационного подхода, основанного на том, что основной структурной единицей исторического процесса является цивилизация, понимаемая как целостная общественная система. Цивилизационный подход применим для изучения истории любой страны, потому что ориентирован на познании истории общества с учётом специфики изучаемой страны. Этот подход позволяет широко использовать историко-сравнительный метод исследования, так как он не отвергает единства

человеческой истории. Также в этом подходе большое значение для понимания исторического процесса отводится духовно-нравственным факторам культуры, религии, менталитету народов.

Основу работы составляют традиционные исторические методы исследования. Прежде всего, это наиболее распространенный, универсальный метод исторического исследования – историко-генетический, включающий характеристику единичного, особенного и общего³¹. Этот метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития. Но ему также присущи и определенные недостатки – например, объективная реальность может рассматриваться несколько односторонне – основное внимание может быть обращено на развитие и изменение и не учитываться устойчивость некоторых явлений. Также метод может, иногда, приводить к выпячиванию неповторимого и индивидуального, и не обращать внимание на общее и закономерное, что может привести к затруднениям в сопоставлении и сведении воедино результатов отдельных исследований. Поэтому, вместе с этим методом использовался историко-сравнительный метод, который позволяет изучать общественно-историческое развитие в широком пространственном и временном диапазонах. Сравнение – важный и самый широко распространенный метод научного познания – на основе сходства одних признаков сравниваемых объектов делается заключение о сходстве других признаков. Таким образом, метод позволяет раскрыть сущность исследуемых явлений на основе имеющихся фактов: выявлять общее и повторяющиеся, с одной стороны, и качественно отличное – с другой. Этот метод в исследовании сочетается с историко-типологическим методом. Социальная и культурная жизнь – это постоянный динамический процесс и представляет собой не простое последовательное течение событий, а смену одних качественных состояний другими, и имеет свои непохожие стадии.

---

³¹Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987. – С. 174.

Выделение этих стадий как раз и возможно при помощи историко-типологического метода. Также, на определенных этапах исследования, был использован нетрадиционный исторический метод – метод искусствоведческого анализа литературных произведений. Произведения художественной литературы – очень важный источник для понимания духа времени, знания обстоятельств, сопутствовавших тем или иным историческим событиям. Они способствуют реконструкции определенных исторических типов поведения, мышления, восприятия и доносят до исследователя определенные первопричины общественного сознания, что способно существенно обогатить историческое знание.

Научная новизна исследования состоит в том, что мы впервые использовали сравнительный анализ официальной позиции на моральные ценности, распространенной в японском обществе изучаемой эпохи и неофициальную позицию, то есть мнение писателей, живших в изучаемый нами период истории Японии.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что ее основные положения и выводы могут быть использованы в учебном процессе ВУЗа при изучении проблем традиционной культуры Японии.

Апробация работы. Одна из частей работы (Ихара Сайкаку: эпоха и произведение «Пять женщин, предавшихся любви» о традиционных ценностях и их месте в системе отношений японского общества) и выводы исследования излагались автором в выступлении на форуме «Белгородский диалог – 2017» в рамках работы секции «Проблемы истории и культуры традиционного Востока» (Белгород, 19 апреля 2017 г.)

Структура работы представлена Введением, тремя главами, Заключением и библиографическим списком.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЯПОНСКОГО ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

1.1 Традиция в понимании японцев

В большинстве случаев понятие «традиция» употребляется для обозначения установленного порядка вещей, необходимого для сохранения обширного набора значимых элементов культуры. Традицией называют совокупность различных форм поведения, мышления и речевой практики, проявившихся в течение исторического развития того или иного народа и сохранившихся в его культуре. К традиции можно отнести систему ценностей — духовную основу, наследуемую каждым новым поколением.

По-японски «традиция» — «дэнто». Слово состоит из двух смысловых элементов, выраженных иероглифами «дэн» (передавать) и «то» (объединять, собирать, связывать). С одной стороны, для японцев, как и для других народов, традиция — это совокупность ценностей, которые передаются из поколения в поколение и связывают людей, объединяя их в социокультурную общность³². С другой стороны, японский подход к традиции имеет несколько иные предпосылки.

Для японцев ценность любого нововведения определяется тем, в какой степени оно перекликается с событиями древности. Древность же воспринимается как эталон правильного порядка, возвращение к этому порядку представляется самым благородным стремлением. Несмотря на то, что японцы метафорически представляют жизнь как вечно текущий поток

---

³²Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. – М., 2009. – С.29

(«нагарэ»), существует незыблемый изначальный порядок, и любое преобразование должно восприниматься как возвращение к нему³³.

В качестве иллюстрации данного подхода можно сослаться на события, произошедшие в эпоху правления императора Мэйдзи (1868—1912), когда представители власти поняли, что без интеграции с западными странами и необходимых в связи с этим преобразований Японии не стать конкурентоспособной мировой державой.

В этот период модернизации подверглись государственное устройство, система административно-территориального деления, транспортная система. Проводились реформы в области здравоохранения, образования, науки и культуры. Можно сказать, что была реорганизована вся политико-экономическая структура. Стремительная индустриализация и развитие торговых отношений поставили Японию на капиталистический путь развития, образцом которого служили страны Европы и Америка³⁴.

В отечественной историографии события 1868 года, когда был совершен переворот, заставивший сегуна передать свои властные полномочия императору, именуют «реставрацией Мэйдзи» или «революцией Мэйдзи». В Японии эти события называют «мэйдзи-исин», где «исин» — это сочетание иероглифов «и» (сохранение старого) и «син» (обновление). Как отмечает литературовед Т.П. Григорьева: «Процесс интенсивной модернизации не случайно назван «исин». Психологически для японцев была приемлема такая форма переворота, которая не противоречила «правильному Пути» — традиционному представлению об идеальном государстве, и потому попытка «очиститься от наносного», не соответствующего этому пути, не могла не встретить одобрения»³⁵.

В сознании японцев модернизация сама по себе не только не противоречила исторически сложившимся устоям, но и была освящена

---

³³Лобанов И.Н. Художественные традиции Японии: их интерпретация и ценность в современном мире// Ценности и смыслы. – 2011. – № 1. – С.93-107.

³⁴Там же.

³⁵Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. – М., 1979. – С. 9.

традицией³⁶. Древний лозунг «вакон кансай» (японский дух, китайский интеллект), призывавший к адаптации китайских знаний на японской почве, в эпоху Мэйдзи стал применяться уже ко всем европейским знаниям, что нашло отражение в новом лозунге «вакон ёсай»: место иероглифа «кан» (китайский) занял иероглиф «ё» (европейский). Однако принцип не изменился, — попадая на японскую почву, выработанные иностранцами знания не трансформировали национальную самобытность коренным образом. По словам историка Э.В. Молодяковой: «Для Японии характерен эволюционный процесс трансформации традиций. Новые элементы обычно добавлялись к старой структуре, не разрушая её, часто сосуществуя с ней, иногда сливаясь. Постепенно эти элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, вызывали перестройку всей системы. Иногда этот процесс шёл настолько бурно, что порождал обманчивое впечатление, будто японцы разрушают свои традиции. Преобразования в японском обществе, даже самые серьёзные, происходили без сокрушительных социальных взрывов, путём реформ, без революций, путём эволюции»³⁷.

Остается открытым вопрос: почему исконно японская традиция и пришедшие извне новации не противоречат друг другу, а гармонично сосуществуют? Дело в том, что характерная черта японской культуры — избирательный эклектизм³⁸. Он проявляется как в эволюционном плане, при последовательном развитии, так и в случайном, когда речь идет о заимствованиях с материка. Следовательно, самобытная японская культура возникла благодаря взаимовлиянию как уже существующих, так и привнесенных элементов. В свою очередь, избирательность выражается в

---

³⁶Лобанов И.Н. Указ. соч.

³⁷Молодякова Э.В. Модернизация Японии после реставрации Мэйдзи / Э.В. Молодякова // Доклады сотрудников ИВ РАН на тему «Модернизация арабского мира в контексте аналогичных процессов в России, странах Востока и Восточной Европы». – М., 2006. – С. 121-145.

³⁸Лобанов И.Н. Указ. соч.

особом подходе, «ийтоко-дори» (букв. «брать хорошее»), глубоко уходящем корнями в японскую историю. Это своеобразная психологическая установка, направленная на активное восприятие нового, пришедшего извне. Однако механизм ийтоко-дори работал в том случае, если новшество вписывалось в существующие местные традиции. При этом элементы иной культуры не просто заимствовались, а определенным образом видоизменялись в зависимости от того, насколько они соответствовали потребностям японцев.

Ассимиляция элементов, заимствованных из других культур, всегда была неотъемлемой частью японской традиции³⁹. Однако процесс притока нового не был постоянным и последовательным. Достаточно сказать, что Япония была закрыта от остального мира более двухсот лет, и только давление западных держав и навязанные ими неравноправные торговые договоры заставили её «открыться» и активно включиться во внешнеполитическую игру. Самоизоляция в период сёгуната Токугава (1603—1868) не единственный пример временного закрытия страны от внешних воздействий. Так в эпоху Хэйан (794—1185), после длительной фазы активных культурных контактов с материковыми государствами (главным образом с Китаем), когда Япония заимствовала письменность, научные познания, государственное устройство и многое другое, двор отменил посольство в Танскую империю, и официальные связи прервались почти на триста лет.

Подобного рода «закрытия» давали японцам возможность творчески переосмыслить перенятое, адаптировать полезное и отсеять случайное⁴⁰.

Более того, за время трехвекового выпадения из сферы культурного влияния Китая японцы, имея в качестве концептуальной основы образцы иноземной культуры, в процессе адаптации их к местным условиям сумели

---

³⁹Там же.

⁴⁰Норинага М. Тама кусиге / Мотоори Норинага // Мир по-японски: Эстетические и этические ценности в японской литературе. – СПб., 2000. – С. 50.

создать собственную традицию, ставшую основой культурного развития последующих поколений.

Стоит отметить, что эпоха Хэйан — в переводе «мир и спокойствие», так же называлась и столица — современный Киото — по общему мнению многих исследователей, стала временем активизации национального гения японцев, которые, осмысленно преобразив багаж связанных с Китаем художественных традиций, создали свои формы творческого восприятия мира. Что касается литературы, то именно в эпоху Хэйан появились лучшие образцы поэзии и прозы на национальном языке, которые как раз заложили основу национальной литературной традиции⁴¹.

Регулярное и богатое общение с искусством – является одним из средств формирования и становления эстетических ценностей в Японии. Например, общение с музыкой имеет здесь не только познавательную и эстетико-эмоциональную направленность: классические древние философско-эстетические трактаты рассматривают его в роли момента соединения с некоей Высшей реальностью, выходящей за грани материального мира. В древнеяпонской традиции мы находим философию музыкального звука «как средства пробуждения сознания, открытия в сокровенных глубинах сердца света Абсолюта»⁴². Интуитивное проникновение в музыку – одна из ценностей японского национального характера. Уже в детском возрасте у японцев чётко расставлены эстетические приоритеты. Отечественное искусство прежде всякого другого входит в духовный мир ребенка, формируя и живую, действенную любовь к Родине, и тонкость вкуса, понимание родной культуры. Уже в начальной школе детей обязательно учат играть на двух-трех музыкальных инструментах, и чаще всего это национальные японские инструменты – трёхструнный щипковый сямисэн, кото (цитра), сякухати (бамбуковая флейта), а также фортепиано, гитара. Любопытно, что каждая японская школа имеет свой собственный

---

⁴¹Гуревич П.С. Культурология. Учебник для вузов. – М., 2003. – С. 135.

⁴²Норианага М. Указ. соч.

гимн: это не только воспитание детского коллектива музыкой и поэзией, которые становятся близкими и любимыми каждому ученику, но и формирование духовного единства школьников на основе общей для них ценности. Учащиеся получают также навыки изобразительного искусства, им преподаются, в частности, основы гравюры.

Воспитание духовности человека и его характера поэзией многие столетия чрезвычайно популярно в Японии. Японский исследователь литературы начала XX в. Мойчи Ямагучи в работе «Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии»⁴³ так, охарактеризовал уникальность поэтического искусства своего народа: «Природа и человек – вот две сущности, приходящие в соотношения, чтобы проявить всю свою красоту в японской поэзии... Она бесконечна далека от той активности, которой отличается творчество других народов... Эти стихотворения требуют читателя, богато одарённого чуткостью, чтобы один намёк, один малейший оттенок выражения рисовал в уме целую картину переживаний»⁴⁴. Маленький японец, приходящий в школу, и становится таким чутким читателем, так как в нём целенаправленно формируется навык открывать в танку и хокку, традиционных по форме японских стихотворениях, «всю их бесконечную красоту, их свежесть и неисчерпаемое богатство природы, отражением которой они являются»⁴⁵. Массовое увлечение поэтическим творчеством – для японской школы совершенно обычное явление; традиция ещё в далёком Средневековье требовала от всех образованных людей не только знания поэзии и ценностного отношения к ней, но и умений создавать поэтические произведения. Такие занятия, конечно же, успешно формируют национальный характер.

---

⁴³ Ямагучи М. Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии. – СПб, 1913. – С. 10.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

Наиболее благоприятен для человеческого восприятия синтез искусств – такое положение есть в японской художественной традиции. Глубина проникновения в одно искусство способствует более глубокому постижению другого, поскольку в них отражаются общие инварианты «мировоззренческих комплексов». Все эти наработанные вековой народной мудростью идеи используют японские образовательные учреждения. И поэзия, и музыка, и живопись – любой вид искусства в педагогическом процессе плавно переходит в другой или же сосуществует с ним⁴⁶. И все виды искусства для ребёнка вливаются внутренней гармонией в бесценный и неисчерпаемый источник – природу, которая творит своё вечное искусство. Созерцание красоты, величия природы и неторопливое, вдумчивое любованье ею – также метод воспитания у подрастающего поколения позитивных качеств национального характера.

Особые требования японские обычаи и образование предъявляют к воспитанию характера девочек, будущих жён и матерей: искусство чайной церемонии, икебаны, традиционных танцев – всё это органично входит в жизнь девочки ещё в детские годы, наполняя их светом вековой мудрости, и сопровождают японку на протяжении её жизненного пути. Примечательно, что японцы осознают: духовная красота девочки и девушки, закреплённая в массовом воспитании, это путь к оздоровлению нации, к рождению физически и духовно здоровых детей; хорошо воспитанная мать будет передавать многовековые ценности своему малышу и серьёзно относиться к его будущему⁴⁷.

Таким образом, традиция в Японии понимается также как и во всем мире – то есть, как совокупность морально-этических ценностей, передающихся от одного поколения к другому и связывающих людей в одну общность – социальную и культурную. Но в отношении к традиции есть свои

---

⁴⁶Гуревич П.С. Указ. соч. – С. 148.

⁴⁷Груздева М.В. Воспитание позитивных качеств национального характера в Японии / М.В. Груздева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2016. – № 2. – С. 36-44.

особенности. В Японии традиционные ценности не противоречат какому-либо обновлению, необходимому для развития. Можно даже утверждать, что ценность какой-либо инновации определяется наличием подобного прецедента в прошлом. То есть в сознании японцев присутствует понятие о некоем изначальном порядке и любое новшество должно восприниматься как возвращение к нему. В этом ключе должны пониматься любые преобразования в Японии, даже, казалось бы, самые революционные. Таким образом, «революция Мэйдзи» – это не что-то новое и необычное. В Японии эта эпоха понимается как раз, как возвращение к традиционному представлению об идеальном государстве, то есть как возвращение к исконно традиционным ценностям. Также необходимо отметить, что традиционные моральные ценности Японии – это некое сочетание наиболее полезных заимствований извне со своими внутренними моральными нормами. То есть японцы всегда ассимилировали новые ценности в своем неповторимом стиле при большей значимости собственных традиций.

1.2 Японский национальный характер

В исторически очень короткий срок после окончания Второй мировой войны из страны с неэффективной экономикой, находившейся под контролем оккупационных американских властей, Япония превратилась в преуспевающую экономическую державу; социально-экономические успехи традиционно неразрывно связаны в японском сознании с идеей уникальности и силы японского национального характера⁴⁸.

---

⁴⁸Верисоцкая Е.В. Об особенностях развития национальных культур России и Японии в XVII–XIX вв.: религиозно-нравственные аспекты (постановка проблемы) / Е.В. Верисоцкая // Известия Восточного института. – 1997. – № 5. – С. 187–212.

Позитивными ценностями и качествами японского национального характера являются: уважение к жизни и ощущение её величия; стремление к гармонии; уважение и особое созерцательно вдумчивое отношение к природе; патриотизм; уважение к истории, традициям Родины и верность традициям; любовь к предкам и верность их заветам; почитание малой родины; уважительное отношение к традиционным религиозным верованиям; религиозная терпимость; уважение к культуре других народов; человеколюбие; миролюбие; добродетельность; совестливость; доброта; уважение к верховной власти; сыновья почтительность; уважение членов семьи и почитание старших по возрасту; почитание учителей и учительства как явления; послушание и повиновение старшим; благодарность; лояльность и верность закону; воспитанность; благородство; трудолюбие; усердие; добросовестность; умеренность; бодрость; коллективизм; общинность; дружелюбие; уважение принадлежности к определённой группе (классу, школе, клубу и т. п.); приоритет общественных интересов перед личными; искренность; неконфликтность; справедливость; ответственность; сдержанность; скромность; молчаливость; чувство юмора; предупредительность; вежливость; учтивость; такт; высокая терпимость; самоконтроль; дисциплинированность; умение концентрировать волю; мужество; настойчивость; целеустремлённость; чувство долга; эстетическая восприимчивость; стремление привносить эстетику в обыденную жизнь; стремление к порядку; любовь к искусству; интуитивное проникновение в музыку; стремление к душевному равновесию; самопогружение и самосозерцательность; стремление к самосовершенствованию и внутренней духовной работе; высокая адаптивность; практичность⁴⁹.

Главенствующей особенностью японского национального характера можно назвать Концепцию гармонии «ва». Эта эстетическая категория с древних времён является ведущей в сознании японцев: государственный

---

⁴⁹ Груздева М.В. Указ. соч.

деятель древности Сётоку, автор первого японского юридического документа, свода законов, официально объявляет в Японии в первой из заповедей этого документа культ гармонии⁵⁰.

Приоритетом современной образовательной политики Японии является нравственное воспитание. Японское правительство постоянно уделяет пристальное внимание морально-патриотическому облику народа и сохранению национального самосознания, воспитанию «идеального японца» (понятие взято из изданного в Японии в 1996 г. Центральным советом по образованию документа, известного под названием «Описание идеального японца»). С процветанием государства напрямую связывается воспитание духовности каждого гражданина.

Так как Япония имеет островное положение, она относительно изолирована от других культур; для неё характерно особое уважительное отношение к религии. В истории страны отсутствовали длительные периоды иноземного правления (за исключением оккупационного периода 1945–1952 гг.). Страну отличает умение разумно заимствовать и умело адаптировать заимствования к японской среде. Названные выше факторы значимы для становления японского менталитета.

Наиболее ценные национальные качества японцев можно анализировать и как результат влияния на процесс духовного становления народа различных религиозных учений и систем – школ буддизма, конфуцианства, христианства, синтоизма. В мироощущении японцев особое место отводится чувству родины, для большинства японцев любовь к ней – социальная норма⁵¹.

Для Японии, представляющей собой восточный тип культуры, характерно поддержание и сохранение традиционных ценностей, культурных норм и обычаев, что, безусловно, на протяжении веков отражается в

---

⁵⁰ Верисоцкая Е.В. Об особенностях развития национальных культур России и Японии в XVII–XIX вв.: религиозно-нравственные аспекты (постановка проблемы)... С. 187–212.

⁵¹ Груздева М.В. Указ. соч.

образовательной политике: за основу берётся переходящее из возраста в возраст системное нравственное воспитание. Документально оформленная система морального воспитания функционирует в стране с конца XIX столетия. Интересно, что приёмы и средства воспитания для японцев также рассматриваются как непреходящие ценности⁵².

В XX в. такое воспитание противопоставлялось захватывающему мир процессу глобализации: некоторые его негативные последствия вызвали у трепетно относящихся к вековым традициям японцев стойкое неприятие. Мудрым ответом на вызовы глобализационного процесса в японском обществе стали ориентация образования на традиционные национальные ценности, любовь к родине и веками накопленный опыт духовно-нравственного воспитания. По сути дела Япония показала свой уникальный и волевой национальный характер миру и продемонстрировала, что готова защищать этот характер и поддерживать, воспитывать и совершенствовать его в своих юных гражданах с колыбели, чтобы в итоге не уйти с мировой арены и оставаться мощной мировой державой⁵³.

Воспитание лучших качеств национального характера начинается буквально с первых лет жизни маленького японца. Точнее, ещё в пренатальный период его развития, поскольку жизнь, построенная по законам гармонии, почитание традиций, национальные праздники, любовь к искусству и природе, умение видеть и создавать красоту в обыденной жизни – вся эта уникальная внешняя среда, дающая первые уроки национальной нравственности, не может не отражаться положительно на формирующемся человеке, на его здоровье⁵⁴.

Когда человек появляется на свет, начинается целенаправленное формирование его духовности, озарённое многовековой мудростью

---

⁵²Верисоцкая Е.В. Об особенностях развития национальных культур России и Японии в XVII–XIX вв.: религиозно-нравственные аспекты (постановка проблемы)... С. 187–212.

⁵³Груздева М.В. Указ. соч.

⁵⁴Там же.

поколений. Показательно, что «даже имя младенцу выбирают исходя из двух условий: оно должно красиво звучать, и образующие его иероглифы должны иметь хороший смысл»⁵⁵. Для вступающего в мир человека «весь строй бытия, все чувства и восприятия организуются красотой»⁵⁶.

В японской семье родители делают всё возможное, чтобы чистая детская душа с первых лет жизни впитывала в себя народные ценности и традиции: вовлечение двух-трёхлетнего малыша в стихию традиционного искусства, традиционного поклонения красоте природы (например, выезды всей семьёй на природу для любования цветущей сакурой или садом камней), неперенное участие всей семьи в национальных праздниках, которых в Японии множество и которые требуют облачения в специальные национальные костюмы даже маленьких детей, специальные общенародные праздники для мальчиков и девочек, обладающий большим воспитательным потенциалом семейный праздник первого посещения малышом храма... Эти праздники становятся эмоциональной и эстетически яркой формой вхождения детей в мир национальных культурных традиций⁵⁷.

Поистине отношение к каждому вновь родившемуся человеку в Японии уникально, это отношение можно охарактеризовать формулой: «человек – национальное сокровище» (такое почётное звание присуждается Японской Академией искусств самым выдающимся деятелям культуры и искусства Японии). Излишне говорить, насколько благоприятной оказывается для ребёнка это ценностно-смысловое согласование целей воспитательной деятельности между семьёй и социальной системой, образовательными учреждениями, официальной образовательной политикой государства. Семья и государство трудятся в одном направлении – воспитании у подрастающего поколения позитивных качеств и ценностей

---

⁵⁵Киященко Н.И. Современные концепции эстетического воспитания: Теория и практика. – М., 1998. – С. 89.

⁵⁶Там же.

⁵⁷Норианага М. Указ. соч. – С. 45.

национального характера⁵⁸. Именно это обстоятельство становится фактором успешности воспитания, придаёт процессу воспитания системность и силу.

Традиционно в восточном обществе на первых местах стоят такие ценности как стабильность и гармония – внутренняя и внешняя – в внутреннем мире человека, в семье, в обществе, в государстве. И на протяжении столетий там вырабатывались специальные правила бесконфликтного существования, особые механизмы сдерживания всего негативного и деструктивного⁵⁹. С одной стороны, они трансформировались в некий свод ритуальных норм, которые позволяют избегать негативных ситуаций. С другой стороны, эти нормы и требования способствовали появлению такого явления, характерного для стран восточной цивилизации, как самоубийство, которое там довольно распространено. И отношение к суициду в той же Японии совсем иное, чем на Западе – самоубийство не только не осуждается, а, наоборот, воспринимается как выражение воли сильного и мужественного человека. Подобное отношение к суициду сформировалось еще в древности и в средневековье и сохраняется до сих пор и воспринимается как значительная и важная акция. В некоторых жизненных ситуациях это даже единственный способ выполнения долга чести по отношению к своему роду, семье. «Должник, не выполнивший свои обязательства ко дню Нового года, чиновник, совершающий самоубийство в знак признания своей ответственности за какой-то несчастный случай, любовники, отмечающие печатью двойного самоубийства свою безнадежную любовь, патриот, протестующий против затягивания правительством начала войны с Китаем, – все они, как провалившийся на экзаменах мальчишка или избежавший пленения солдат, обращают последнее насилие на себя»⁶⁰. Они предпочитают останавливаться не на убийстве других, а на фактах самоуничтожения личности. С помощью этого акта

---

⁵⁸Груздева М.В. Указ. соч.

⁵⁹Светлов Г.Е. Традиционные верования Японии / Г.Е. Светлов // Религии в XX веке: Локальные и синкретические культы. – М., 1991. – С. 189-190.

⁶⁰Норианага М. Указ. соч. – С. 48.

самоуничтожения удовлетворяется потребность, которая не может быть реализована через акцентирование внимания на других актах⁶¹.

Большинство авторов сходятся во мнении, что успехи в преобразованиях во многих восточно-азиатских государствах во многом объясняется такими факторами как наличием сильного государства и приверженности ценностям традиционной, в частности, конфуцианской, культуры.

В основе японского мышления большое значение имеют философские принципы сосуществования и процветания, то есть когда все члены общества разделяют радости роста, благополучия и ведущей роли государства, которое, даже способно превратить эти принципы в некие социальные институты.

Основой стабильного существования и успешного развития традиционных восточных обществ является применение принципов конфуцианства, которое оказывает большое воздействие на духовную, общественно-политическую, производственную и семейно-бытовую сферы жизни членов восточного общества. Конфуцианство не статично - за два с половиной тысячелетия своего существования оно испытало серьезное воздействие и буддизма, и даосизма, и многих других учений и религиозных направлений не только Китая, но и Кореи, Вьетнама, Японии⁶².

Основным в учении Конфуция был поиск оптимальных форм организации государства и общества, то есть, проблема того, какими качествами должны обладать управляющие и управляемые для того, чтобы в государстве были порядок и спокойствие. «Проброобразом идеальной общественной организации Конфуций считал семью, поэтому стабильность общества, по его представлениям, основана на отношениях неравенства

---

⁶¹Маркаръян С.Б. Япония в интернационализирующемся мире: социокультурный аспект / С.Б. Маркаръян // Япония и современный мировой порядок. – М., 2002. – С. 135–150.

⁶²Светлов Г.Е. Традиционные верования Японии... С. 189-190.

между людьми точно так же, как и в семье»⁶³. Кроме того, в конфуцианстве четко обозначен принцип нравственной ответственности человека перед семьей, родом и перед обществом. Мораль, по Конфуцию, находится в присущей человеку воле к самосовершенствованию, «преодолению себя» (кэ цзи), что означает устранение эгоистических наклонностей⁶⁴. Человек, жестко встроенный в систему социальных отношений, воспринимался не как индивидум, а как социальное лицо. Лицо – качество не врожденное, а приобретенное, и его можно потерять помимо своей воли. В границах этой этики лица, человек, по сути, не мог вступать в конкуренцию с другими и вообще преследовать каких-либо целей для себя лично⁶⁵ - отсюда, готовность признать собственное несовершенство и даже свою вину за проступки других. Поэтому так характерно для восточных цивилизаций упорное утверждение скромности и бескорыстия в качестве едва ли не самых главных человеческих добродетелей.

Отсюда и традиционная формула благонравного поведения: «Все доброе приписывать другим, все дурное брать на себя»⁶⁶. Таким образом, конфуцианская мораль помогала формированию образцовому поведению и некритическому принятию общественного мнения и, соответственно, следование ему, которые, с одной стороны, способствовали успешной модернизации Японии, а с другой, уменьшали стремления членов общества к различной разрушительной деятельности.

В современных условиях перед японским обществом возникает необходимость отвечать на вызовы современности, не только передавая последующим поколениям наиболее ценные качества и ценности национального характера, но и на этой основе формировать некоторые новые

---

⁶³Маркарьян С.Б. Япония в интернационализирующемся мире: социокультурный аспект... С. 135–150.

⁶⁴Светлов Г.Е. Традиционные верования Японии... С. 189-190.

⁶⁵Маркарьян С.Б. Япония в интернационализирующемся мире: социокультурный аспект... С. 135–150.

⁶⁶Норианага М. Указ. соч. – С. 48.

качества, не свойственные японскому менталитету, но востребованные сегодня для успешного развития страны.

1.3 Социокультурные традиционные ценности Японии

Япония – древнее, самобытное государство. Культура Японии – это удивительное явление в лоневосточной цивилизации. Опыт Японии, с одной стороны, развития в условиях длительного изолирования, а с другой – способность органично трансформировать достижения других культур, определил ее устойчивое и плодотворное развитие на протяжении многих веков.

На протяжении своей истории Япония довольно часто воспринимала достижения культуры других народов. Например, в V–VII вв., когда японская государственность брала за образец китайскую политическую систему, письменность, и даже религию. Так было в конце XIX века и во второй половине XX века⁶⁷.

С одной стороны, культура Японии принадлежит к восточному типу цивилизации, но с другой – она обладает оригинальными чертами, которые делают её не похожей ни на что другое.

Одной из причин самобытности и оригинальности японской культуры считается ее духовная основа, сложившаяся в результате синтеза нескольких вероисповеданий: синто, буддизма, конфуцианства. Данное явление – религиозный синкретизм, всячески содействовал формированию необыкновенного мировосприятия японцев⁶⁸.

---

⁶⁷ Кузнецов Ю.Д. История Японии: Учебник для студ. вузов / Ю.Д. Кузнецов, Г.Б. Навлицкая, И.М. Сырицын. – М., 1988. – С. 252.

⁶⁸ Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм (проблема синкретизма) [Электронный ресурс]. – URL: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/> (дата обращения: 10.12.2016).

Конфуцианство с его системой взглядов на культуру начало проникать из Китая в Японию с VI века н. э. и вскоре стало сильно влиять на жизнь этой страны.

Основными и специфическими признаками японской культуры считаются ее устойчивость и изменчивость. И здесь нет противоречия, потому что в «духовной культуре рассмотрению подлежит не только единичное явление во временном континууме, но и присущий ей прослеживаемый на длительном временном отрезке принцип отношения к каждому явлению, а именно однотипность подхода. В сочетании двух религий в рамках японской культурной традиции заключается одна из основных ценностей японской культуры»⁶⁹.

Основными религиозными системами в Японии являются синтоизм и буддизм.

Синтоизм – национальная религиозная система, начавшая оформляться в VIII в. Само слово «синто» в буквальном смысле означает «путь богов». Основное в синтоизме – культ природных божеств и развитый культ предков, то есть, он учит поклонению предкам и поклонению природе. Основное в учении синтоизма – это соблюдение общежитских правил и норм, главное из которых, это соблюдать чистоту и придерживаться естественного порядка вещей – «поступай согласно законам природы, щадя при этом законы общественные»⁷⁰. Согласно учению синто, японцам изначально присуще интуитивно-понимание добра и зла, а, поэтому, соблюдение общественных обязанностей тоже интуитивно: если бы было по другому, то японцы «были бы хуже зверей, которых ведь никто не учит, как надлежит им поступать»⁷¹.

Главными священными книгами синто считаются «Кодзики» и «Нихонги», представляющие собой летописно-мифологические своды. В них

---

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Кодзики: Записи о деяниях древности [Электронный ресурс]. – URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=5475> (дата обращения 12.12.2016).

⁷¹ Пронников В.А. Указ. соч. – С.153.

впервые были собраны и записаны сохранившиеся устные японские сказания и легенды. Именно они лежат в основе учения и ритуала синто.

Человек рассматривается в синто как часть природы, которая является для японцев любящей и, одновременно, грозной матерью, дарящей разнообразные блага, а, иногда, строго наказывающей. Дарованной ее жизнью и всем, что с нею связано необходимо дорожить. Хотя смерть и воспринимается как неизбежное звено в цепи жизни, созидающие силы в японской мифологии всегда берут верх над разрушающими.

Синтоизм обожествляет силы природы и явления и поклоняется им, так как у всех вещей и явлений есть своя духовная сущность, которая называется «ками»⁷².

Основным духовным постулатом в синто – жизнь в согласии с природой и людьми. Ведь мир – это нечто единое, где Kami, люди и умершие живут рядом. Kami – конечно же бессмертны, но при этом тоже включены в круговорот рождения и смерти, через которые все в мире постоянно обновляется⁷³. В синтоизме нет такого понятия как «спасение», которого необходимо добиваться и к которому нужно стремиться через определенные духовные практики и «праведную», то есть богоугодную жизнь. Японец, по факту своего рождения японцем, уже является сыном или дочерью богов и лишь определяет своё естественное место в этом мире и свое посмертное существование своими мотивациями и поступками.

Представления в синтоизме о добре и зле сильно отличаются от европейских, прежде всего христианских взглядов на природу добра и зла и, прежде всего, своей некоторой относительностью. Так, если, согласно синтоизму, нет абсолютно хороших и абсолютно плохих Kami, то и поступки и дела людей нельзя оценивать как изначально хорошие или изначально плохие. Мера всему – это наличие или отсутствие практической

---

⁷²Там же. – С.155.

⁷³ Кодзики: Записи о деяниях древности [Электронный ресурс].– URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=5475> (дата обращения 13.12.2016).

значимости, ценности и пригодности для жизни, то есть оценка каждого конкретного поступка зависит от целей, которые ставил перед собой совершающий его, и жизненных обстоятельств, приведших к совершению этого поступка⁷⁴.

Если человек совершает свои деяния с хорошими намерениями и, если, его поведение уважительно и безупречно с точки зрения синтоизма, то он, скорее всего, совершает добрый поступок, хотя бы, по отношению к себе и своей семье, роду или социальной группе. Добрыми делами признаются, например, сочувствие к окружающим, уважение к старшим по возрасту и положению, а также способность «жить среди людей» – то есть способность устанавливать и налаживать искренние и дружелюбные отношения с другими людьми, которые его окружают. Осуждаются эгоизм, злоба, соперничество ради соперничества, нетерпимость, также злом является всё, что нарушает установленный богами порядок, в том числе и социальный, все то, что разрушает гармонию, мир, спокойствие и мешает служению ками.

Согласно синтоизму - мир изначально хорош и правилен, но при этом вовсе не обязательно должен дарить людям всегда одно лишь добро, а душа человека изначально чиста и невинна. Зло же приносится духами, которые пользуются слабостями человека, его недостойными мыслями и поступками, то есть, зло — это некая «болезнь» мира и человека. Совершение зла, вреда, таким образом, является для человека неким неестественным деянием, он творит зло, когда подвергся самообману или обману, «когда он не может или не умеет чувствовать себя счастливым, живя среди людей, когда жизнь его плоха и неправильна»⁷⁵. А так как абсолютного добра и зла не существует, то и различить одно от другого может только сам человек, но для верного суждения ему необходимо правильное восприятие действительности («сердце, подобное зеркалу») и союз с ками. И такого состояния

---

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм (проблема синкретизма) [Электронный ресурс]. – URL: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/> (дата обращения 10.12.2016).

человек достигает правильной и естественной жизнью – очищая своё тело и свое сознание и разум, приближаясь к богам путём совершения ритуальных действий.

Для синтоизма также очень характерно особое отношение к смерти. Японские ритуалы, относящиеся к культу предков – это некая смесь из чисто японских, а также китайских культовых традиций, связанных со смертью. Японская духовная традиция предполагает отсутствие непреодолимой границы между миром мёртвых и миром живых⁷⁶. Становясь предком, умерший продолжал свое существование в составе семьи, но находился теперь в ином состоянии - на более высокой ступени семейно-родовой иерархии и имел теперь новые, даже, сверхъестественные возможности. Японская семья, таким образом, состоит не только из живущих, но и из умерших родственников⁷⁷. Так как со смертью человека жизнь в целом и его личное существование не заканчивается, то для каждого японца главное – это умереть достойно и согласно религиозным традициям и нормам, так как «правильная» смерть, осуществлённая в рамках традиционной системы ценностей, обеспечит ему более высокое социальное положение в следующем рождении. Но и представления о необходимости такой смерти делают отношение к самой жизни более осмысленным - каждую минуту необходимо проживать как последнюю.⁷⁸

Другая ведущая религия – буддизм – древнейшая и первая по времени появления мировая религия, возникшая в Индии и затем распространившаяся в ряде стран Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также в Европе и Америке.

Большой вклад в становление буддизма в Японии вложил принц Сётоку - известный государственный деятель, который своим указами способствовал распространению этой религии. А уже при императоре Сёму

---

⁷⁶ Николаева Н.С. Образы Японии: очерки и заметки. – М., 2009. – С. 190.

⁷⁷ Латышев И.А. Япония, японцы и японоведы. – М., 2001. – С. 300.

⁷⁸ Николаева Н.С. Образы Японии: очерки и заметки... С. 150.

буддизм становится государственной религией.⁷⁹ Самой распространенной буддийской школой в Японии является дзен-буддизм, который восходит к китайской школе буддизма – «чань». В Японии существуют и другие направления буддизма. Многочисленность школ и направлений буддизма стало очень характерным явлением для страны восходящего солнца.

В Японии дзен-буддизм был, как правило, религией, философией и образом жизни образованной части населения. Он оказывал сильное влияние на все сферы духовной жизни страны. Его эстетика, которая проявлялась в гармонии, простоте и естественности, непосредственности и спонтанности, стала основным принципом японского искусства и повседневной жизни японцев.

Такое необычное для Запада соединение двух основных религиозных систем оказало значительное воздействие на эстетические ценности японской культуры. Так дзен-буддизм оказал сильное влияние на духовную жизнь японского общества, предлагая уделять особое внимание внутренним эстетическим переживаниям реальности окружающего мира, а не внешнему восприятию религиозной истины. Эстетическая идеализация всех сторон жизни, даже самых обычных, и процесс понимания неких, например, духовных истин через созерцание произведений искусства или явлений природы или, даже, казалось бы, через совершение самых обыденных действий, таких как, например, чаепитие, все это – важная черта традиционной японской культуры, основополагающий принцип мировосприятия японцев⁸⁰.

Достижение духовного совершенства достигалось путем мистического созерцания и нахождения прекрасного в повседневных делах человека, а не скрупулезным изучением религиозных догматов. Так, например, наиболее важные положения эстетики дзен-буддизма выражены в таких категориях

---

⁷⁹ Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм (проблема синкретизма) [Электронный ресурс]. – URL: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/> (дата обращения 10.12.2016).

⁸⁰ Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. Указ. соч. – С. 309.

как: «Ваби» – эстетика бедности, суровая простота, но, в тоже время и изысканность; «Саби» – некое очарование старины, печать времени; «Мононо аварэ» – некая печальная и, одновременно, чарующая сила вещей и явлений; «Югэн» – нечто мистическое, некая невыразимая словами истина⁸¹.

Благодаря всему этому у японцев, на протяжении столетий, вырабатывалось изощренное чувство прекрасного, способность увидеть, например, в потрескавшейся стенке чайной чашки причудливый узор, то есть способность ценить не яркое и броское, а то, что имеет налёт старины.

Учение дзен-буддизма о прекрасном наиболее полно проявилось в таких сферах человеческой деятельности как устройство садов, в искусстве составления букетов – икебана, в чайной церемонии.

Чайная церемония в своем традиционном виде была разработана к XVI веку в монашеской среде, откуда распространилась среди аристократов, самураев, а в дальнейшем и среди простых горожан. С течением времени ритуал настолько усложнился, что все тонкости его проведения знали лишь сами мастера чайной церемонии, обучающиеся ему не один год. Сам ритуал чайной церемонии, акцентировавший все внимание участников «чаепития» на самом процессе приготовления и употребления чая, способствовал погружению сознания человека в некую особую реальность, способствовал его духовному росту⁸².

Садовое искусство, в результате своего развития достигло небывалых высот. Ландшафт организовывался по строго определённым канонам, каждое растение, каждый камень и другие элементы композиции должны находиться на строго определённом месте, но при этом рука человека не должна ощущаться. Всё должно выглядеть очень естественно и реалистично и выражать, в своём часто небольшом пространстве, всю необъятность и всё богатство вселенной⁸³.

---

⁸¹ Там же. – С. 305.

⁸² Там же. – С. 310.

⁸³ Там же. – С. 250.

Особое отношение японцев к природе также очень ярко характеризует такое искусство как икебана – составление по особым правилам композиций из цветов. Отношение к цветам в Японии было и есть крайне трепетно, и сродни чувству восхищения – достаточно вспомнить общенациональные праздники любования цветущими деревьями сливы и сакуры. Появилась икебана как одна из духовных практик дзен-буддистских монахов. В дальнейшем, в результате развития этого искусства появились различные школы и направления икебаны, но основная идея остается неизменной до сих пор –выражать красоту природы, создавая композиции из цветов, или даже из одного цветка. Подобное отношение к красоте «единичного предмета» очень характерно для японцев, часто она важнее, чем красота многообразия и называется «принципом сосновой иглы», то есть даже один цветок может, иногда, точнее выразить сущность и красоту природы⁸⁴.

Особое отношение к природе и то, что она действительно является национальным достоянием, проявляется также и в многочисленных праздниках, связанных с различными природными явлениями – это не только праздники любования цветущими деревьями сливы и сакуры, но и праздники, посвященные первому снегу, пению птиц, праздник любования луной в сентябре и многие другие. Они, и до сих пор, очень популярные и массовые⁸⁵. Такое особое отношение к природе, которое выражается в непосредственном ее присутствии в жизни каждого японца благодаря тем же раздвижным стенам в жилищах, через способность находить в самых простых вещах и явлениях скрытую красоту, через соотнесение личности человека с величием и силой самой природы, – это очень важная и неотделимая часть японской культуры, основополагающий принцип культурной традиции Японии.

Благодаря неизменности ряда традиционных ценностей в условиях процесса иностранных заимствований, в какой бы области они ни

---

⁸⁴ Там же. – С. 256.

⁸⁵ Сычева Е.С. Указ. соч.

совершались, появлялись новые феномены, характеризующие именно японскую культуру и способствующие её укреплению. Не является исключением и порождение нового времени - сфера управления. Известно, что после войны, решая стоявшие перед страной острые социальные и экономические проблемы, японцы зачастую прибегали к американским способам управления. Однако, как показывает опыт, это не давало ожидаемых результатов. Тем не менее, знакомство с новыми идеями способствовало появлению методов управления, присущих только японскому менеджменту, в результате чего его характеризует ряд концепций, отсутствующих в американской системе управления⁸⁶.

Известно, что японский менеджмент отличает пристальное внимание к улучшению человеческих отношений, согласованность действий, групповая ориентация, гармонизация отношений между рабочими и управляющими, особое значение, придаваемое качеству выпускаемой продукции. Во всем этом нетрудно разглядеть идущие от синтоистского мироощущения характерные для японца восприятие себя как части целого и почти благоговейное отношение к продукту своего труда, в самом процессе создания которого усматривается некая сакральность.

Согласно религии синто, сотворенный богами, мир – прекрасен, а всё существующее в нем, изначально незрелое и незавершенное, постепенно, по мере того, как люди своим трудом показывают богам, что их замысел понят и с благодарностью принят, совершенствуется и будет совершенствоваться и впредь. Люди продолжают созидательные деяния богов в этом мире. Таков один из способов выражения ими почтения своим богам. Считалось, что боги, поощряя людей за оказываемое им поклонение, разными способами, в том числе открывая им новые знания, помогают людям совершенствовать мир и жизнь на земле. Знаменательно, что все награды богов людям достаются при жизни. Синто не обещает никаких воздаяний за благие дела

---

⁸⁶ Лещенко Н.Ф. Исторические корни японской философии бизнеса / Н.Ф. Лещенко // Япония 2000: консерватизм и традиционализм. – М., 2000. – С. 193 – 210.

после смерти. Таким образом, само понятие «труд» японцы воспринимают не только в материальном, но и в духовном измерении и относятся к продукту труда с большой ответственностью⁸⁷.

Совершенствуя мир, совершенствуются и сами люди. В этом синтоистском постулате прослеживается прямая аналогия с одной из ключевых концепций японского менеджмента – «кайдзен», что в переводе с японского означает «совершенствование». Этот термин в бизнесе означает постоянное улучшение, начиная от способов производства и заканчивая методами руководства, включая эффективность работы всех сотрудников от директора до рядового рабочего. Конечная цель кайдзен - производство без потерь, и что характерно, непреходящее моральное удовлетворение от своей работы⁸⁸.

Разумеется, вряд ли сегодня все японцы задумывается над тем, почему так или иначе складываются обстоятельства в жизни и на производстве, но все исследователи единодушно отмечают, что совершенствование мастерства японцы считают своим долгом, причем без ожидания какой-либо материальной выгоды.

Совершенствованию многих форм бытия, в том числе и успешному развитию производства, способствует и так называемая философия «мондзукури», направленная на поддержание разумного баланса между различными элементами бытия, к которым относится и сфера производства, и достижение гармонического взаимодействия с Природой. В основе этой философии лежат методы интеграции и синтеза, которые, по мнению её сторонников (а в Японии - это почти всё население страны), играют более важную роль, чем специализация и анализ⁸⁹.

Главный посыл этой концепции в том, чтобы донести глубокий смысл, заключенный в самом факте производства превосходного продукта и

---

⁸⁷Кодзика: Записи о деяниях древности [Электронный ресурс]. – URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=5475> (дата обращения 13.12.2016).

⁸⁸ Лещенко Н.Ф. Указ. соч.

⁸⁹Там же.

непрерывного совершенствования производственных систем и процессов. Авторы этой концепции подчеркивают, что слово «монодзукури» выражает особенности производства, предполагающие не только сам процесс изготовления, но и духовное, и идейное содержание, вкладываемое в любой вид трудовой деятельности. Таким образом, «монодзукури» – это особая культура производства⁹⁰.

В завершении первой главы хотелось бы сделать некоторые выводы. Так, например, понимание добра и зла в японской этической традиции отличается от западного понимания этих моральных категорий. Добро и зло не противопоставлены друг другу, они воспринимаются относительно, в зависимости от каждой конкретной ситуации. Самое главное в поведении человека – это искренность и соответствие принятым правилам, то есть поступки человека не должны нарушать принятых норм и не должны задевать чувства других людей, особенно старших или вышестоящих по социальной лестнице⁹¹.

Такое сочетание жесткого самоограничения и «игры по правилам» с умением глубокого внутреннего погружения и внутренней свободы личности, коллективизма и индивидуальной ответственности – все это характерные черты японской шкалы ценностей.

Формирование традиционных японских ценностей обусловлено как особенностями исторического и социального развития японской нации, так и взаимодействием японской культуры с культурами других народов, относящихся, прежде всего, к восточным цивилизациям. Вобрав в себя всё ценное из доступных ей зарубежных достижений, японская культура вместе с тем сохранила свою самобытность, своё неповторимое лицо.

Наиболее ценные национальные качества японцев можно анализировать и как результат влияния на процесс духовного становления

---

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Сычева Е.С. Указ. соч.

народа различных религиозных учений и систем – синтоизма, школ буддизма, конфуцианства.

Для японцев ценность любого нововведения определяется тем, в какой степени оно перекликается с событиями древности. Древность же воспринимается как эталон правильного порядка, возвращение к этому порядку представляется самым благородным стремлением. Несмотря на то, что японцы метафорически представляют жизнь как вечно текущий поток («нагарэ»), существует незыблемый изначальный порядок, и любое преобразование должно восприниматься как возвращение к нему

Можно сказать, что Япония, несмотря на экономические успехи и прогресс, по-прежнему остается страной устойчивых традиций, многие из которых уходят корнями в глубокую древность и без знания которых невозможно до конца понять национальный характер и особенности менталитета японцев.

ГЛАВА 2. ИХАРА САЙКАКУ: ЭПОХА И ПРОИЗВЕДЕНИЕ «ПЯТЬ ЖЕНЩИН, ПРЕДАВШИХСЯ ЛЮБВИ» О ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ И ИХ МЕСТЕ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1 Эпоха Ихара Сайкаку: Япония XVII века

Ихара Сайкаку (1642—1693) – японский писатель, ставший родоначальником реалистического направления в литературе Японии. О его жизни сохранилось крайне мало сведений. Возможное настоящее имя писателя – Хираяма Того. Родился он в Осаке, его отец был преуспевающим купцом, но по стопам отца он не пошел, а посвятил свою жизнь литературе. Рано овдовев и потеряв дочь, он отдаляется от семьи и выбирает удел скитальца, собирателя легенд и преданий. Результатом его путешествий стали сборники «Рассказы из всех провинций» (1685) и «Дорожная тушечница» (1687). Во время своих странствий прославился как поэт, способный сочинять хайкай с удивительной легкостью. Об этом даже стали появляться легенды – так на одном из поэтических состязаний он сочинил около двух тысяч стихотворений⁹². Первое прозаическое произведение Ихара Сайкаку было написано им всего за десять с небольшим лет до смерти и сразу стало большим событием в японской литературе. В выходивших затем повестях автор изображает жизнь японского города своего времени, увиденную им – писателем и человеком, который обладает и наблюдательностью и любопытством ко всему, что его окружает и любовью к красоте этого мира. Главное о чем писал Ихара Сайкаку – это человек, со всеми своими радостями и бедами, со своими пороками и добродетелями. Жанр в котором работал писатель – это так называемые «повести о бренном мире» не был им придуман, но его произведения коренным образом отличаются от

---

⁹²Сайкаку И. [Электронный ресурс]. – URL: <http://iapan-lit.livejournal.com/7917.html> (дата обращения 15.12.2016).

прозаической литературы прошлых веков – прежде всего своим реалистическим подходом и художественной правдивостью к изображению действительности, пришедшим на смену старому догматическому мировоззрению с его авторитарной моралью⁹³.

На его творчество оказала влияние политическая и социально-экономическая среда, сложившаяся в Японии в XVII веке. «Культурная изоляция Японии в XVII веке, застойные формы, которые приобрел японский феодализм»⁹⁴, не могли не отразиться и на литературных произведениях того периода.

История Японии, как и любой другой страны, делится на несколько периодов. Интересующий нас этап в развитии японской государственности называется периодом Эдо (1603—1867). До этого периода Япония была феодально раздробленной страной – первая половина XIV – середина XVI веков. С 1551 года начинаются попытки создания централизованного государства в Японии – то есть, начинается объединение страны в ходе военного противоборства различных враждующих кланов. В этой кровопролитной борьбе за власть побеждает один из дайме (правитель провинции) Токугава Иэясу, хозяин обширных земель в восточных областях Эдо – современный Токио. В ходе решающих сражений против своих противников (основная битва произошла при Сэкигахара в 1600 году) Токугава Иэясу одержал полную победу. Мечта многих могущественных дайме, да и всей нации, наконецосуществилась окончательно. Объединение Японии завершилось. Многие аристократические кланы были уничтожены, а те, кто остался в живых были лишены какого-либо влияния стали выполнять, вместе с самим императором, представительские функции двора. Токугава Иэясу предпринимает последующие шаги к утверждению своего господства – создается правительство третьего сегуната. В 1603 году император

---

⁹³ Там же.

⁹⁴ Горегляд В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. – СПб., 2006. – С. 218.

официально провозглашает Иэясугуном. Начинается период Токугава, также известный как период Эдо, так как происходит перемещение политического центра страны в город Эдо. Токугава Иэясу становится родоначальником целой династии – четырнадцать сегунов из его рода будут править Японией после него до 1867 года и в течение всего этого времени страна будет закрыта для остального мира.

Господствующим классом в стране стало самурайское сословие с кланом Токугава и его ближайшими сподвижниками во главе. На вершине властной пирамиды находились члены клана Токугава. На ключевые посты в конфискованных у врагов поместьях были расставлены вчерашние союзники, полностью зависимые от властей. Сегунат также конфисковал все земельные владения императора, обязавшись содержать его за свой счет. Дайме, одним росчерком пера (в японском случае – кисточки) сегуна, могли переводить с одних земель на другие. Кроме того, каждый дайме определенное время в году должен был проводить со своей семьей в Эдо, столице сегуната. А когда дайме жил в своих владениях, семья его оставалась в заложниках в Эдо. Такими мерами обеспечивалась «верность» подданных сегуна⁹⁵.

В 1616 году Токугава Иэясу отходит от текущих дел и умирает, но начатая им политика была продолжена его приемниками.

На начальном этапе своего правления, сегун и его правительство были заинтересованы в поддержке контактов с Западом и уже не преследовали христиан. Делалось это для расширения международной торговли, поэтому сегунат ввел в 1604 году лицензирование кораблей Японии, уходивших в плавание в другие страны, особенно в страны Юго-Восточной Азии. Но в дальнейшем, когда противоборство в Японии за сферы влияния Англии и Голландии с одной стороны и Португалии с Испанией с другой активизировалось с новой силой, что грозило втянуть Японию в конфликты этих государств, то японское правительство взяло курс на ограничение каких-

---

⁹⁵Востокова А. Страна Восходящего Солнца. От древности до наших дней. – Ростов н/Д., 2005. – С. 181.

либо контактов с европейскими странами, впоследствии получивший название сакоку⁹⁶.

А в 1614 году сегунат официально запретил христианство, не желая иметь в Японии какой-либо инструмент политического влияния иностранных государств. Многие тысячи японских христиан были физически уничтожены, а выезд японских граждан за границу был запрещен. В 1639 году японское правительство пошло еще дальше, запретив всем европейским и американским судам прибывать к японским берегам за исключением Голландии – ее купцы получили монопольное право для своей деятельности в торговой фактории на искусственном острове Дэдзима в бухте Нагасаки⁹⁷. При этом Япония сохранила дипломатические и торговые связи со своими давними и традиционными партнёрами: Китаем, Кореей⁹⁸.

Общество в этот период было строго разделено на четыре сословия. Первое и высшее положение занимали самураи, на втором месте были крестьяне, затем шли ремесленники, и, на четвертой ступени – торговцы, которые находились на этой низшей ступени социальной лестницы, так как присущая им алчность и жажда наживы презиралась всеми остальными слоями японского общества. Внутри самого самурайского сословия также имелась иерархическая градация, которая состояла из тридцати одной ступени.

Господствующей идеологией в стране снова становится конфуцианство. Во время кровавой борьбы за власть были уничтожены крупные буддистские монастыри и библиотеки, содержавшие все лучшее, что было накоплено в прошлые века – это манускрипты, священные книги и произведения искусства. Новой власти потребовалась новая официальная идеология, которой и стало чжусианство – неоконфуцианское учение Чжу Си.

---

⁹⁶ Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. Указ. соч. – С. 294.

⁹⁷ Митико И. Образ Японии в России в период Эдо (XVII-XIX вв.) / Икута Митико // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. – 2005. – № 9. – С. 107 – 127.

⁹⁸ Дил У. Япония. Средние века и начало Нового времени. – М., 2011. – С. 301.

Конфуцианство, которое по своей сути являлось учением о политическом и социальном устройстве, в Японии было внимательно изучено и использовано согласно национальным представлениям о желаемом обществе. Была заимствована главным образом модель иерархического устройства общества, организация бюрократического аппарата. Преимущественное положение самураев было установлено законом, то есть указами сегуна. Даже самурай тридцать первого ранга считался стоящим выше самого образованного и богатого горожанина-простолюдина. В этот период сословие самураев претерпело некоторую социальную трансформацию. Они были уже не только сословием профессиональных воинов, – на них были возложены и обязанности государственных служащих, то есть они должны были исполнять функции секретарей, управлять поместьями, должны были стать чиновниками в различных ведомствах и получать обычное жалованье. А для такой службы приходилось не только владеть мечом, но требовался и определенный уровень образования. Поэтому самураям требовалось «приобщаться к культуре». Если раньше воин не умеющий читать и писать был не редкостью, то теперь ситуация в корне изменилась. Пришло понимание того, что знания просто необходимы для верного выбора и принятия решений в любой области деятельности: «в соответствии с четкими конфуцианскими установками общественных взаимоотношений – объем преподаваемых знаний вышел за узкие рамки клановых нужд и распространился на провинциальные и общенациональные проблемы с тем, чтобы подготовить молодых лидеров клана к принятию и безропотному исполнению всех директив, исходящих от бакуфу в Эдо»⁹⁹. Самураи неплохо приспособились к новым условиям, так как за двести пятьдесят с лишним лет в стране только однажды вспыхнул внутренний мятеж в Симабаре в 1637–

---

⁹⁹Ратти О. Секреты самураев. Боевые искусства феодальной Японии / О. Ратти, А. Вестбрук. – Ростов н/Д., 2000. – С. 115.

1638 г., и еще несколько раз были не очень крупные крестьянские восстания.

Самураи сталкивались не только с проблемами приспособления к выполнению новых для них обязанностей мирного времени. Часто их финансовое и экономическое положение не соответствовало формально высокому социальному положению. Бакуфу – правительства сегуната в сельскохозяйственной стране могло увеличить доходы в казну, только еще больше притесняя крестьян – основных производителей. И хотя увеличение доходов обеспечивалось за счет улучшения способов ведения сельского хозяйства, большинство крестьян изнемогало под бременем постоянно растущих налогов и повинностей. Поэтому властичасто обращались за финансовой помощью к официально самому неуважаемому сословию – купечеству: «Необходимые средства добывались самыми разными путями: через займы (далеко не всегда возвращавшиеся), конфискации (за якобы совершенное преступление) и установление специальных налогов»¹⁰⁰.

Повлияла ли такая часто нестабильная экономическая ситуация на представления элиты японского общества об идеальном обществе? Вовсе нет, эти представления насаждались с еще большим энтузиазмом: «большую часть населения призывали вести еще более экономную жизнь: так, одежда должна быть проще и дешевле, стрижка и бритье вообще являются излишествами и поэтому их просто запрещали, употреблять в пищу те или иные, так называемые деликатесы некоторым сословиям вообще предосудительно»¹⁰¹. А самураям низших рангов, чье жалованье было особенно мало, призывали следовать традиционному воинскому идеалу аскетизма и воздержания, «который выше всех соблазнов легкой и беззаботной жизни в роскоши»¹⁰². Поэтому самурайский идеал скромной, непритязательной и исполненной верности жизни и сохранил свой авторитет

---

¹⁰⁰ Там же. – С. 126.

¹⁰¹ Там же. – С. 146.

¹⁰² Там же. – С. 166.

и свое влияние в среде рядовых самураев, даже несмотря на то, что некоторые крестьяне, разбогатевшие на ростовщичестве, жили лучше многих самураев. А в городах те же самураи становились свидетелями растущих доходов и уровня жизни простых горожан. Поэтому их и старались воспитать в презрении к мирской роскоши, так как она ослабляла дух воина и развращала его. Они должны были видеть свое предназначение в «твердости, честности и исполнении долга, даже такого как быть секретарем или счетоводом, а также в том, чтобы являть собой высокий пример для всех остальных»¹⁰³.

Как уже говорилось выше, в течение более двух веков японское общество не знало социальных потрясений, военных конфликтов – внешних и внутренних, поэтому этот период еще называют эпохой «мира Токугава»¹⁰⁴. Бурными темпами начали развиваться города, которые стали выполнять функции центров экономической и социально-культурной жизни Японии. Официальной столицей Японии был Киото, политическим центром сегунского правительства – Эдо, а одним из самых крупных экономических центров страны – Осака¹⁰⁵.

В жизни Японии XVII века присутствовали довольно резкие контрасты. Самураи занимали высшее положение в иерархии японского общества, но многие из них разорялись, а торговцы, наживали богатства, но при этом не обладали ни какими политическими правами. Пойманной и уличенной в прелюбодеянии женщине грозила смертная казнь, но при этом в городах процветали районы публичных домов¹⁰⁶. Поэтому желания и потребности обычных горожан, которые были полностью бесправны, и при этом были строго регламентированы в своей обыденной жизни – искали выхода. И

---

¹⁰³ Там же. – С. 169.

¹⁰⁴ Митико И. Указ. соч.

¹⁰⁵ Япония XVII-XIX вв. История «Мирного государства» эпохи Эдо [Электронный ресурс]. – URL: <http://jamato.ru/istoriya-yaponii/10-mirnoe-gosudarstvo-epokhi-edo-17-19-vek> (дата обращения 17.12.2016).

¹⁰⁶ Латышев И.А. Япония, японцы и японоведы... С. 467.

поэтому часто стремление к свободе личности трансформировалось в желание свободы в области чувств. Молодые и богатые члены японского общества стремились вырваться из пут традиционной морали, они считали, что смогут найти эту желанную свободу в неограниченном проявлении своей чувственности, в приятном и веселом времяпрепровождении¹⁰⁷.

Таким образом, XVII век в Японии стал сложной, наполненной резкими внутренними противоречиями, эпохой, но эпохой очень важной в развитии общественной жизни, важной для дальнейшего развития традиционных моральных ценностей. Период Эдо (1603-1862) – это период относительного внутреннего мира и спокойствия, экономической и политической стабильности. В стране прекратились феодальные междоусобицы, и она стала полностью единой под властью клана Токугава. Это положительно отразилось на всех сферах жизни японского общества – от экономики до культуры, науки, образования. Бурный рост городов способствовал развитию новой городской культуры с центрами в Киото, Эдо, Осаке. В это время появились новые жанры и направления в литературе, живописи, архитектуре. Культурные достижения становились очень важной частью повседневной жизни большинства японцев. В этот период в Японии возрождались и усовершенствовались древние японские традиции, появлялись и развивались новые. Главным учением в среде самураев, а значит и во всей стране, становилось конфуцианство, а точнее его течение – «чжусианство», которое призывало поданных к верному служению и повиновению властям. Это неоконфуцианское учение со временем стало играть роль государственной идеологии и оказывало огромное влияние на развитие моральных ценностей. Конфуцианские основы правильного поведения стали в Японии учением об истинных принципах морали и этики. А основой морали становилась верность, которая понималась как долг перед старшими и вышестоящими. Прививались такие ценности, как трудолюбие,

---

¹⁰⁷ Сайкаку И. Пять женщин, предавшихся любви [Электронный ресурс]. – URL: <http://litrus.net/book/read/95772> (дата обращения 19.12.2016).

послушание и коллективизм, то есть готовность поступиться личными интересами ради групповых и общественных, уважение авторитета и стремление быть покровительствуемым, которое, как раз коренилось во времена становления института самурайства. Именно в эту эпоху формировались и утверждались в японском обществе определенные культурных и нравственные ценности, которые, в свою очередь, нашли отражение в национальной литературе.

2.2Произведение Ихара Сайкаку и морально-этические ценности того времени

ВXVII веке жанры прозы начали претерпевать некоторую деформацию. Так, в эпическом повествовании наряду с традиционными художественными воззрениями стало проявляться новое отношение авторов к происходящему. Внимание писателей привлекали уже не только ратные подвиги героев, но и неофициальная сторона жизни людей. Заметные сдвиги наметились в произведениях распространенных жанров - новеллы и любовной повести. Создатели рассказов об удивительном все чаще обращались к реальной, повседневной жизни города XVII века, причем их интерес к бытописанию порой даже превалировал над желанием увлечь читателя повествованием о происшествии как таковом. «Уточняющая» бытовая деталь прокладывала себе путь и в любовной повести, изобличая ее романтически приподнятый тон как некую условность, дань традиции.

Ихара Сайкаку больше всего прославился своими повестями о любви, которые привели к появлениюцелого направления в японской литературе¹⁰⁸. В жанре в котором работал этот писатель – в так называемых, «повестях о бренном мире» предметом изображения стал мир свободных чувствами

---

¹⁰⁸ Редько Т.И. Творчество Ихара Сайкаку: к вопросу о новаторстве в японской литературе XVII в. – М., 1980. – С. 58.

наслаждений и воспевалось прежде всего чувство любви. «Пять женщин, предавшихся любви» - одно из самых известных прозаических сборников Ихара Сайкаку. Он профессионально и очень реалистично рисует жизнь феодального города со всем, что в ней было высокого и низкого и очень искренне описывает всю глубину и силу чувств, что противоречило самим устоям традиционного японского общества того времени¹⁰⁹.

Литературные критики считают Ихара Сайкаку родоначальником нового направления в прозе - «укиёдзоси» - литература об изменчивом и быстро текущем мире. Основные идеи этого направления — «осознание ненадежности, бренности, изменчивости мира, отсутствия в нём чего-то надежного, вечного»¹¹⁰.

Сам термин «укиё» - буддийский и прежде означал такие понятия как «горестный», «грешный», «быстротечный» мир, а в контексте культуры эпохи Ихара Сайкаку становится символом самоценности земного бытия. По мнению Н.И. Конрада, это понятие «приобрело жизнеутверждающий и даже гедонистический оттенок: мир скорби и печали превратился для людей эпохи Сайкаку в быстротечный, но от этого тем более привлекательный мир радости и удовольствий, хозяевами которого они начали себя ощущать»¹¹¹.

Наименования, под которыми труды Сайкаку остались в истории японской литературы, раскрывают направление его метода: они именуется «повестями о нашей жизни», именно о реальной, земной жизни, которую буддийское учение обозначало как бренную, суетную, противопоставляя ее нирване - истинному и абсолютному миру. И эта обычная и земная жизнь была для Ихара Сайкаку жизнью развивающегося торгового города, и

¹⁰⁹ Пинус Е.М. Городская литература Японии XVII в. и вопросы развития литературного метода / Е.М. Пинус // Вестник Ленинградского университета. – 1960. – № 14. – С. 51-60.

¹¹⁰ Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. – М., 1991. – С. 302.

¹¹¹ Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. Указ. соч. – С. 329.

писатель показал, что литература может найти и в ней огромный материал для творчества¹¹².

Книга Ихарасайкаку «Пять женщин, предавшихся любви» знаменует новый этап развития реализма в японской литературе. В ней повествуется о судьбах пяти женщин – простых горожанок, которые повинуются велениям своих сердец. Они даже преступают законы своих семей и нормы официальной конфуцианской морали¹¹³. Объектом художественного осмысления автора теперь становится не свободный от каких-либо регламентаций герой, а человек, который вынужден в силу своего положения считаться с требованиями официальной этики, но не желающий с ними мириться и пытающийся отстаивать свое право на свободное чувство. Сюжет каждой из пяти новелл этой повести, основан на реальных событиях того времени. Эти события были хорошо известны читателям – о них сообщалось так называемых хрониках городской жизни – «листках с происшествиями», послужившие далеким образцом современных газет¹¹⁴.

Особенно характерны первые четыре новеллы, написанные на основании действительных происшествий, которые имели место при жизни Сайкаку и послужили поводом для громких судебных процессов. Писатель сохранил не только имена действующих лиц, но и даже названия кварталов и торговых заведений.

Ихара Сайкаку в своей повести показывает, что сила характера, а также энергичность в борьбе за свое личное счастье стали присуще и обитательнице городского купеческого дома. Его героини уже не те покорные исполнительницы мужской воли, которых изображала литература прошлых эпох. Теперь уже сама женщина хочет любить и любить по своему выбору. И все героини его повести активно проявляют свои желания и чувства и выступают храбрыми вершительницами и своей судьбы и судеб

---

¹¹²Сайкаку И. Пять женщин, предавшихся любви [Электронный ресурс]. – URL: <http://litrus.net/book/read/95772> (дата обращения 19.12.2016).

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Латышев И.А. Япония, японцы и японоведы... С. 254.

других людей. Пусть даже их мечты и стремления не могли увенчаться успехом. Ихара Сайкаку показал в своей повести как трагично само положение женщины, при котором первое же проявление своих желаний и своей воли приводят женщину к гибели¹¹⁵.

Героини книги всеосознают и все же продолжают добровольно идти на преступление против общественной морали. Они и чувствуют и поступают по-новому, и думают по-новому. Здесь можно привести в пример следующий эпизод из новеллы о составителе календарей. Жена придворного составителя календарей – Осан, вступившая в незаконную связь с приказчиком Моэмоном, бежит с ним в отдаленную провинцию. Остановившись на ночлег в храме, Осан и Моэмон видят сон, в котором бодхисаттва Мондзю советует им, пока не поздно, уйти в монастырь и стать на Путь Просветления. Но Осан отвечает: «Что бы там ни было в будущем, не беспокойся о нас! Мы по собственной воле, рискуя жизнью, решились на эту измену...»¹¹⁶.

«По собственной воле, рискуя жизнью», решаются на поступки, влекущие за собой трагические последствия и другие героини повести – Онацу, которая полюбила приказчика, и жена бондаря Осэн, вступившая в незаконную связь с мужем соседки, и Осити, которая для того, что бы увидеться со своим возлюбленным даже устраивает пожар в родительском доме¹¹⁷.

На фоне четырех рассказов повести-сборника с их трагическим финалом особняком стоит пятый рассказ со счастливым концом. Главные герои – Оман и Гэнгобэй, прошедшие через все жизненные мытарства, в конце все-таки благополучно женятся. Родители Оман им в наследство оставляют сказочное богатство – деньги и драгоценности, а также магический мешок с сокровищами бога богатства Дайкоку и другие волшебные предметы. Неестественная условность фантастического финала рассказа

¹¹⁵Редько Т.И. Указ. соч. – С. 65.

¹¹⁶Сайкаку И. Пять женщин, предавшихся любви [Электронный ресурс]. – URL: <http://litrus.net/book/read/95772> (дата обращения 19.12.2016).

¹¹⁷Там же.

очень заметна, тем более, что реальные события, легшие в его основу крайне трагичны – в 1663 г. Оман и Гэнгобэй, реальные прототипы персонажей Сайкаку, вместе покончили жизнь самоубийством¹¹⁸. Такая условная и сказочная развязка конфликта в последнем рассказе этого сборника очень важна для понимания своеобразия изображения действительности как в этом произведении, так и во всей литературе данной эпохи в целом. Эстетическое сознание того времени проводило отчетливую грань между миром, который творил писатель в своем произведении, и миром подлинным¹¹⁹.

Такая условность финала повести понадобилась Ихара Сайкаку для того, чтобы его книга читателями все же воспринималась как произведение вымышленное, художественное, а не как документальный отчет о реальных событиях, о которых слышали его читатели. Но такая преднамеренная не реалистичность этой благополучной развязки как бы снимается иронической заключительной фразой автора: «Гэнгобэй и радовался и печалился... За одну свою жизнь эдакого богатства не истратишь... И в самом деле, что делать с таким богатством?»¹²⁰, которая и подчеркивает жизненную достоверность повести-сборника в целом¹²¹.

В произведении Ихара Сайкаку изображается новый слой японского общества – городские жители, торговцы, ремесленники, их жены и дочери, которые уже не хотели жить в «суетно-скорбном» мире буддистских представлений, а хотели жить в мире «веселья и гульбы»¹²². Традиционный для буддизма мир греха и печали становится для горожан миром радости и удовольствия. Мы видим у Ихара Сайкаку появление новой ценности – «ценности кипевшей в народе новой жизни»¹²³, то есть ценностью становится сама жизнь, но жизнь построенная не по буддистским и конфуцианским

¹¹⁸Редько Т.И. Указ. соч. – С. 73.

¹¹⁹ Там же. – С. 84.

¹²⁰Сайкаку И. Пять женщин, предавшихся любви [Электронный ресурс]. – URL: <http://litrus.net/book/read/95772> (дата обращения 20.12.2016)..

¹²¹ Редько Т.И. Указ. соч. – С. 87.

¹²² Конрад Н.И. Очерки японской литературы. – М., 1973. – С. 348.

¹²³ Там же. – С. 350.

правилам. Другой ценностью у автора является «самая существенная творческая стихия этого мира»¹²⁴ - любовь. Но любовь у Ихара Сайкаку уже не та любовь предыдущих эпох с ее эстетическим окружением, с культом «прекрасной дамы», - ее место занимает городская куртизанка. В любви эпохи Ихара Сайкаку важным и ценным становится плотское удовольствие, радость жизни, а не какие-то романтические и оторванные от реальности идеалы. Настоящей ценностью для человека этого периода становится наслаждение, удовольствие от любви, которая окрашена не в мечтательно-романтические тона, а полна рассудочности и рационализма.

Таким образом, повествование о радости земного бытия и ценности человеческой жизни в произведении Сайкаку основывается на новом, рационалистическом понимании мира, в то время как фоном для изображения трагического неизменно служит буддийская идея иллюзорности человеческого существования¹²⁵. Основная линия произведения – это личная активность человека в борьбе за свое счастье, нежелание покоряться судьбе, даже если исход событий будет драматичным. Этой главной идее – непокорности горожан воле обстоятельств, прежде всего в вопросах любви, - подчинены сюжеты новелл, вошедших в сборник «Пять женщин, предавшихся любви». Однако воззрения писателя нередко шли вразрез с официальной государственной доктриной. Власти даже наложили запрет на произведения Ихара Сайкаку, и указ об этом был издан в 1791 году. Это была, как пишет А.Е. Глушкина «попытка сковать свободный дух горожан, так ярко выразившийся в творчестве великого прозаика»¹²⁶.

---

¹²⁴ Там же. – С. 352.

¹²⁵ Редько Т.И. Указ. соч. – С. 89.

¹²⁶ Глушкина А.Е. Заметки о японской литературе и театре: древность и средневековье. – М., 1979. – С. 176.

ГЛАВА 3. ХИГУТИ ИТИЁ: ЭПОХА И ПРОИЗВЕДЕНИЕ «СВЕРСТНИКИ» О ТРАДИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ И ИХ ВЛИЯНИИ НА РАЗВИТИЕ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

3.1 Эпоха Хигути Итиё: Япония во второй половине XIX века

Хигути Итиё – одна из известнейших японских писательниц, родилась 2 мая 1872 года, а умерла 23 ноября 1896 года, прожив всего 24 года. Но написав повесть «Сверстники» и несколько рассказов, она приобрела славу выдающегося автора не только японской, но и мировой литературы.

Родилась в семье мелкого полицейского чиновника. Ее настоящее имя – Нацу, росла она необычным ребёнком. Тихая, замкнутая по характеру, она редко играла с другими детьми, увлекалась же классической литературой. Первое пятистишие танка Хигути Нацуко сочинила именно в школе. Нацу было всего одиннадцать, когда она стала ученицей знаменитой поэтессы Накадзима Утако, принадлежавшей школе придворной поэзии Кэйэн. Прозу начала писать под псевдонимом Итиё¹²⁷. Печаталась с 1892 года. Она автор таких рассказов и повестей из жизни простых людей Японии: «Жизнь в глуши» (1892), «Тринадцатая ночь» (1895), «Мутный поток» (1895). Умерла Хигути Итиё от туберкулеза¹²⁸.

Эпоха, в которую жила писательница, наложила отпечаток на ее творчество. К середине XIX века, в последние годы сегунского правления Японию потрясали один правительственный кризис за другим. И в итоге это привело к отречению сегуна от власти в 1867 году. Несколько факторов способствовали крушению института сегуната и началу так называемой реставрации Мэйдзи. Это постоянные финансовые трудности, которые

---

¹²⁷ Хигути И. Сверстники [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/book/itiyo_higuti/sverstniki.html (дата обращения 15.01.2017).

¹²⁸ Конрад Н.И. Очерки японской литературы... С. 352.

усугублялись постоянными выступлениями крестьян в провинциях, протестовавших против угнетения со стороны землевладельцев, непосильных налогов и голода в неурожайные годы¹²⁹.

Другим фактором стало растущее политическое и идеологическое недовольство, которое проявляли и крупные землевладельцы, утратившие политическое влияние, и многие молодые японцы, которые считали, что необходимо более сильное центральное правительство¹³⁰.

Когда недовольство правительством сегуна достигло своей предельной степени, то многие разочарованные его политикой люди вспомнили об императоре как объекте верности и почитания. Была выдвинута доктрина государственного устройства – кокутай, согласно которой Япония – это Обожественная земля и управлять ее должны только ведущие свое происхождение от богов императоры. Сегун все чаще и чаще воспринимался как узурпатор по праву принадлежащей императору власти¹³¹.

Окончательно сегун и его правительство были отстранены от власти под давлением иностранных держав, добивавшихся прав на землю, торговых привилегий и заключения коммерческих соглашений с Японией. В 1853-1854 годах настойчивость западных стран стала еще более решительной и даже агрессивной – так, в гавань Эдо вошли четыре американских военных корабля под командованием капитана Мэтью Пэрри¹³².

И в 1854 году, при полном бездействии сегуна, простой чиновник, стараясь идти на минимум уступок, все-таки подписал это историческое соглашение, разрешавшее кораблям иностранных держав заходить в японские порты. Решение это вызвало сильные протесты в японском обществе, а подписавший договор чиновник был убит радикальным

---

¹²⁹ Япония в XIX веке [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldhis.ru/yaponiya> (дата обращения 21.01.2017).

¹³⁰ Япония и японцы в XIX веке [Электронный ресурс]. – URL: <http://19centur.ru/far-east/19-japon.html> (дата обращения 21.01.2017).

¹³¹ Ратти О., Вестбрук А. Указ. соч. – С. 197.

¹³² Там же. – С. 200.

националистом. Но стремительно развивающиеся события было уже не остановить – дни сегуната были сочтены. Послы иностранных держав при ведении переговоров искали согласия не властей сёгуната, а императорского двора. Некоторые самурайские кланы подняли мятеж против сегуна и разгромили посланные против них войска. Замок Токугава в Эдо был захвачен императорскими войсками, сегун отрекся от своего поста в ноябре 1867 года и власть императора была «восстановлена»¹³³. Так закончилось 250-летнее правление самураев.

Но окончание владычества самураев не означал ни полной утраты ими политической и военной роли в обществе, ни, тем более, прекращения их влияния на культуру страны. Семьсот лет «воинского духа» и «культуры воина» оставили слишком глубокий отпечаток в японском обществе¹³⁴.

В 1867 г. на императорский престол вступил пятнадцатилетний Муцухито, период его правления был назван Мэйдзи – «просвещенное правление». Был проведен целый комплекс реформ в системе государственного управления, проведена реформа сословной структуры японского общества, была реформирована армия, судебная система, начались преобразования в сфере экономики и финансов, аграрная реформа. В 1889 году была обнародована Конституция¹³⁵. Но период безоглядной вестернизации закончился и начался возврат к традиционным японским ценностям. Началось формирование новой государственной идеологии, основанной на доктрине кокутай. Была учреждена государственная религия – синтоизм. И конституция, якобы провозглашая основные права и свободы, практически не давала возможности для сколько-нибудь свободного участия простых японцев в политической жизни страны, поскольку политические

---

¹³³ Там же. – С. 205.

¹³⁴ Там же. – С. 206.

¹³⁵ Конституция 1889 года [Электронный ресурс]. – URL: www.aikidoka.ru/traktat/ (дата обращения 26.01.2017).

права народа отождествлялись с их долгом перед «божественным» императором¹³⁶.

Подобные серьезные перемены в экономической, политической и социальной сферах японского общества не могли не отразиться на культуре страны. Реформы привели к появлению нового периода в японской литературе, который продлился до середины XX века. Страна восходящего солнца стала более открытой для всего мира. И это оказалось важнейшим фактором для развития литературы. Характерная черта данного периода – активное влияние европейских идей и течений. Сначала значительным образом возросло количество переводов европейской (в том числе и русской) литературы. Японцы желали узнать о чужеземной культуре. Позже начали появляться первые японские произведения, написанные на европейский лад¹³⁷.

Таким образом, политические, экономические, религиозные, социально-исторические факторы и события, происходившие в Японии во второй половине XIX века, способствовали формированию и утверждению в японском обществе определенных культурных и нравственных ценностей, которые, в свою очередь, нашли отражение в литературных произведениях, в том числе и в творчестве Хигути Итиё.

3.2 Хигути Итиё и ее произведение в свете моральных ценностей Японии второй половины XIX века

Можно сказать, что события 1867 года стали неким рубежом между старой и новой литературой Японии. Очень сильно возросло в это время количество переводов произведений иностранной литературы. Некоторые писатели начали движение за создание новой литературы, которая отрицала

---

¹³⁶ Митико И. Указ. соч.

¹³⁷ Горегляд В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни... С. 281.

традиционные эстетические каноны, требующие от человека самоотречения в пользу феодально-моральных догм и выдвигали на первый план чувственность и индивидуальную жизнь. Японские писатели стремились не только изображать явления жизни, но и раскрывать их идейную сущность, и таким образом было положено начало развитию критического реализма в японской литературе. Зарождалась так называемая социальная проза, сыгравшая свою важную роль в развитии реализма¹³⁸.

Хигути Итиё написали всего несколько повестей до своей ранней смерти. Ее творчество заставляет вспомнить произведения Ихара Сайкаку, но, вполне возможно, что у Хигути были предшественники более близкие по времени. Творчеству писательницы были присущи элементы как романтизма, так и развивающегося реализма¹³⁹.

В 1892 году вышли в свет ее первые рассказы – «Сакура во тьме», «Прощальный иней», «Похороненная жизнь», которые сразу же привлекли внимание читателей и критиков. Но всенародную известность она приобрела как автор произведений о жизни простых людей Японии: «Жизнь в глуши» (1892), «Тринадцатая ночь» (1895) и «Мутный поток» (1895), в которых рассказывалось о нелегкой участи японской женщины, и, конечно, повесть «Сверстники» (1895–1896).

Это произведение, в которой она рассказывает о том, что за судьба предназначена подросткам, живущих в одном из «веселых кварталов» Токио. Заинтересованность и увлечение проблемой «маленького человека» привели Хигути Итиё к еще большему заострению социальной темы в своем творчестве. При этом, ее творчеству присущ глубокий лиризм, психологизм и романтизм, что делает ее социальное произведение более увлекательным и интересным для читателя. Эта повесть поразила японский читающий мир в самом конце XIX века. Написав ее и несколько рассказов, она стяжала славу

---

¹³⁸ Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках... С. 472.

¹³⁹ Там же. – С. 475.

выдающегося мастера слова. Ее стали называть «фейерверком в сумерках Эдо»¹⁴⁰.

Хигути Итиё была одной из последних литераторов, которые писали на старом литературном языке «бунго». После нее использовали уже язык разговорный. Но «бунго» в ее произведение не производит архаичного впечатления, он понятен читателем и ее эпохи и современным: «Двинешься по кругу - возле ворот тянут свои длинные ветви-руки ивы прощания; вода во рву Черных зубов отражает огни третьих этажей, откуда доносятся голоса; день и ночь без устали снуют рикши; - сразу и не поймешь, с чего это так бурлит здесь жизнь»¹⁴¹.

Автор практически не оставляет текста для себя, есть только герои. Никакого определения – кто это говорит, почему, где? Всё убрано, чтобы максимально предоставить место героям, их переживаниям и словам. В короткой повести у Хигути получилось изложить истории подростков, причём не сжато, а выписывая нужные детали, оставляя нам ярко представлять всё остальное. Более того, из-за этой краткости, читатель и по окончании повести продолжает достраивать и образно представлять события, оставшиеся за «кадром».

Произведение знакомит нас с жизнью квартала Токио, в непосредственной близости от «района красных фонарей» - Ёсивара. Начиная с XVII века в Японии был запрет на проституцию вне специально огороженных кварталов. Так называемые «веселые кварталы» были «государством в государстве»: «...И дочери тоже при деле: та - девочкой-служкой у высокочтимой куртизанки-ойран, эта - у другой ойран провожатой, сопутствует ей в каком-нибудь из семи чайных домиков, до

---

¹⁴⁰Дьяконова Е. Главные произведения японской литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://arzamas.academy/materials/714> (дата обращения 26.01.2017).

¹⁴¹Хигути И. Сверстники [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/book/itiyo_higuti/sverstniki.html (дата обращения 27.01.2017).

ворот и обратно; семят они, воздев фонарь с названием заведения, и что с ними станет, когда они кончат курс обучения?»¹⁴²

Обитательницам Ёсивара было запрещено покидать огороженные пределы квартала. Обслуживающий персонал жил рядом с кварталом в непосредственной близости – посредники, охранники, танцовщицы, певицы, держатели прогулочных лодок и лошадей, лавочники, портнихи. Это как бы взгляд «изнутри» на происходящее вокруг. Очень много деталей в этом произведении. Звук, цвет, запах ощущается очень отчетливо с первых страниц. Многочисленные упоминания праздников, традиций. Все пронизано атмосферой старой Японии. Главными героями повести являются подростки до 16 лет, дети тех самых лавочников, портних, священнослужителей, сестра куртизанки. Несмотря на текучесть и некоторую даже поэтичность, произведение получилось печальное и, возможно, даже безысходное¹⁴³.

В очень длинных фразах своего повествования она рассказывает об «удивительном, артистическом, манящем и страшном мире квартала «красных фонарей», где разврат соседствовал с целомудрием, продажная любовь прекрасных куртизанок – с горячей и безнадежной любовью детских сердец»¹⁴⁴.

Произведение состоит целиком из полутонов. Здесь нет четкого деления на черное и белое, плохое и доброе, печаль и радость. Всё смешивается, переходит из одного в другое. Ведь это жизнь, увиденная глазами японцев, и в ней нет места одному цвету. Здесь всё очень красиво и одновременно печально. Но это не черная всепоглощающая печаль,- это грусть, смешанная со смирением, с принятием своей судьбы и с неким фатализмом¹⁴⁵.

---

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Конрад Н.И. Очерки японской литературы... С. 413.

¹⁴⁴ Дьяконова Е. Главные произведения японской литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://arzamas.academy/materials/714> (дата обращения 28.01.2017).

¹⁴⁵ Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках... С. 489.

Главной мыслью сквозит обреченность и предрешенность судьбы для этих детей. Девочкам прямой путь в куртизанки и, если повезет, они будут обеспечивать свою семью. Более того, подрастающая героиня даже не видит ничего зазорного или неподобающего в профессии проститутки, это скорее даже почетно. Ей и не приходило в голову, что та профессия, которой занимается ее старшая сестра может быть чем-нибудь постыдной – ведь она сможет «сполна вернуть отцу и матери дочерний долг»¹⁴⁶.

Мальчики же в бедных кварталах уже с детства списаны со счетов, на них много не заработаешь: «Стоит ли удивляться, что денно и нощно все слухи и разговоры об успешной карьере касаются только женщин, на парней смотрят, как на совершенную бесполезность, вроде дворняжьего хвоста в черных пятнах, назначенного разве что рыскать по помойкам»¹⁴⁷. И мы застаем подростков именно за шаг до грядущей взрослой судьбы, наблюдаем за их детскими горестями и радостями, за столкновением интересов и авторитетов, за первыми зарождающимися ростками любви и привязанности, но даже эти чувства далеко не светлые, а пронизаны печалью.

Таким образом, основная тема произведения – формирование личности, нравственных ориентиров подростков, живущих в «веселых кварталах», выбор ими жизненного пути, а, точнее, даже его отсутствие. Судьбы героев определялись традициями и обстоятельствами той среды, в которой вынуждены существовать семьи их родителей. Социальный смысл произведения заключается в искусно показанной, без всякой навязчивости и пафоса, обреченности, которая нависла над головами главных героев. Хигути Итиё, работая в рамках жанра психологического романтизма, сама же их, в какой-то мере, и нарушает. Ее персонажи, которые должны быть олицетворением духовных богатств и ценностей, подвергаются автором некоему скептическому пересмотру, а, значит, этот скептический настрой

---

¹⁴⁶ Хигути И. Сверстники [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/book/itiyo_higuti/sverstniki.html (дата обращения 28.01.2017).

¹⁴⁷ Там же.

проникает и в само представление о ценностях. Рисуя удушающую атмосферу меркантилизма и морального оскудения, автор окрашивает повествование в тона безнадежного пессимизма и создает у читателей стойкое ощущение неблагополучия этого мира, трагедийности бытия своей исторической эпохи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Японии полна драматических и переломных страниц. Такими являются XVII век и конец XIX века – противоречивые и сложные эпохи в истории Японии, в развитии общественной жизни этой страны. В то время противоречия феодального общества крайне обостряются, происходят столкновения между силами, пытающимися сохранить старые, средневековые порядки и теми, кто стремился к преобразованиям. В XVII веке новая городская культура находится на подъеме и благодаря этому появляются произведения, обладающие не только художественной, но и исторической ценностью и в которых авторами сделана попытка художественного познания окружающей их действительности. В Японии, в это время, религиозные и этические учения, такие как буддизм и неоконфуцианство, по-прежнему определяют многие аспекты духовной и общественной жизни страны. Но своеобразной реакцией на эти учения, которые сводили к нулю всякое личностное начало, стало появление в литературе XVII века нового типа городской повести, в которой пристальное внимание оказывается личности человека, его индивидуальности, а также среде и материальным условиям, окружающих человека и воздействующих на формирование его личности. Тем самым начали закладываться условия появления и развития новых литературных жанров, которые получают свое развитие в последующие века, особенно в XIX веке, характеризующимся интенсивным становлением реализма. На его развитие не могли не оказать своего влияния революционные преобразования, происходившие в Японии в конце XIX столетия, когда реставрация Мэйдзи заложила основы современной социокультурной системы страны.

В ходе исследовательской работы была предпринята попытка изучить и осмыслить основные моральные ценности и их роль в традиционном японском обществе, проведя анализ содержания художественных текстов

японской прозы. В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- наиболее ценные моральные качества японцев можно анализировать как результат влияния на процесс духовного становления народа различных религиозных учений и систем – синтоизма, буддизма, конфуцианства. Например, конфуцианство принесло идею о том, что основное в морали – это верность, которая понималась как чувство долга перед старшими и вышестоящими. Отсюда – стремление жертвовать собой ради общества, так как общий успех важнее личной выгоды, поэтому для японцев так важна верность общему делу, верность фирме, корпорации, государству. Можно сказать, что конфуцианское учение о правильном поведении стало в Японии учением об истинных принципах морали и этики. Национальная религия японцев – синтоизм, также учит человека больше думать о государстве, нежели о себе, призывает всегда помнить об исключительности и избранности Японии и японцев. При этом синтоизм привил японцам особую чуткость к природной красоте, смирение и покорность по отношению к разрушительным силам природы, что очень перекликается с буддийским учением о бренности и непостоянстве бытия. Буддизм также, на протяжении столетий, воспитывал в японцах склонность к самоотречению и терпеливому перенесению страданий. Можно утверждать, что религиозное начало на протяжении многих веков было основой жизни всего традиционного общества Японии. Религиозные институты не только сообщали вероучительные истины, но и предписывали принципы морали, социальные и государственные концепции. Религиозное начало и сегодня занимает важное место в жизни японцев, присутствуя в ней в виде общественного мнения, коллективного сознания. Япония по-прежнему остается страной устойчивых традиций, без знания которых невозможно до конца понять национальный характер и особенности менталитета японского народа;

-утверждение перечисленных ценностей нашло отражение в произведениях японской классической литературы, например, в повести «Пять женщин, предавшихся любви» Ихара Сайкаку, главными героями в которых становятся «простые» люди и их сложные и многообразные взаимоотношения, а основным нравственным феноменом – чувство любви, трактовка, которого у автора очень широка и широка настолько, что порой идет вразрез с устоявшимися нормами морали своего времени. В его произведении очень хорошо отражены сложность и противоречивость, которые были свойственны духовной жизни той эпохи. Бурная и сложная, переломная эпоха, внутренне очень противоречивая, которая характеризовалась, прежде всего, интересом к личностному началу, борьбой за признание индивидуальности. Очень важное место в произведении Ихара Сайкаку занимает изображение силы человеческого духа, способности человека преодолевать самого себя и различные жизненные обстоятельства, стойкость человека и верность его своим идеалам. Для писателя очень важно показать эмоциональный мир человека, силу его страстей и могущество чувственных влечений. Но настойчивая тенденция Ихара Сайкаку показать силу стремления человека к личной свободе, к свободному чувству вступает порой в противоречие со строгими нормами и догмами официальной морали, с государственной идеологией;

- Хигути Итиё, автор другого литературного источника, писавшая свои произведения в жанре психологической повести с элементами романтизма, описывает «простых» людей уже своей эпохи, своего поколения. Автор знает жизнь этих людей, глубоко ее чувствует и правдиво, тонко ее передает. Содержание повести «Сверстники» представляет собой проникновенную зарисовку душевной жизни детей-подростков живущих в «веселом» квартале Токио – Ёсивара. Писательница показывает всю окружающую их жизнь, существование всех тех, кто живет и выживает в этом квартале и благодаря ему. А социальный смысл повести заключается в правдиво показанной, нависающей над головами этих подростков обреченности, в показе

постепенно складывавшейся неумолимой и мрачной судьбы. Согласно канонам жанра, в котором писала свои произведения автор, главные герои должны быть олицетворением, средоточием духовных богатств и высоких идеалов-ценностей, но у Хигути Итиё они и сами подвергаются скептическому переосмыслению, а также и сами представления о ценностях пронизаны этим всеразъедающим скепсисом, завершая картину удушающего материализма, меркантилизма и морального оскудения. Но несмотря на то, что герои произведений Ихара Сайкаку и Хигути Итиё не идеальные персонажи героических эпосов или куртуазные придворные времен Сэй Сенагон, а самые обычные горожане со всеми своими достоинствами и недостатками, – их совсем не хочется осуждать за часто «недостойное» поведение, наоборот, им сочувствуешь, их жалеешь, им сострадаешь, их любишь.

Многие исследователи считают, что Япония – это страна, «где чтят традиции и высоко ценят стабильность, при этом сохраняя способность к принятию и трансформации нового»¹⁴⁸. Можно утверждать, что моральные ценности японцев: трудолюбие, послушание и почтение к старшим и вышестоящим, трепетное отношение к природе, ярко выраженное чувство прекрасного, коллективизм, готовность японцев поступиться личными интересами ради групповых и общественных, традиционное уважение авторитета, стремление быть покровительствуемым и многие другие, – все это результат влияния на внутренний мир человека религиозных и культурных факторов. Моральные ценности играли огромную роль в традиционном японском обществе, важны моральные ценности для японцев и в наши дни. Как писал Бердяев Н.А.: «В истории обязательно сочетаются консервативный (связь с духовным прошлым и усвоение из него наиболее священного) и творческий (динамический импульс продолжения истории) моменты, что обеспечивает внутреннюю связь с прошлым и творческий

---

¹⁴⁸ Иноземцев В. Старая экономика в новом столетии: опыт и уроки // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 12. – С. 115-119.

поиск. А отсутствие одного из этих элементов, уничтожает сущность истории»¹⁴⁹. Такое плодотворное сочетание творческого начала и консервативного подхода – наиболее яркая черта и очень точная характеристика Японии. Моральные ценности, традиции представляют собой главную составляющую особенности японской культуры, менталитета японцев. Такое правильное сочетание современного развития с многовековыми традициями позволило Японии энергично развиваться и, при этом, иметь опору в духовной сфере и культуре в целом, позволяло японцам чувствовать связь времен. Таким образом, моральные ценности являются стержнем японского общества, что не мешает приспособлять их к современным условиям и сочетать западные заимствования с национальными традициями.

---

¹⁴⁹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.,1994. – С. 323.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**1. Источники**

1. Бусидо. Путь воина. – М.: Центрполиграф, 2016. – 160 с.
2. Кодзики: Записи о деяниях древности [Электронный ресурс]. – URL:<http://mreadz.com/new/index.php?id=5475>
3. Конституция 1889 [Электронный ресурс]. – URL:www.aikidoka.ru/traktat/
4. Конфуций. Я верю в древность. – М.: Республика, 1995. – 384 с.
5. Нихонги: Анналы Японии [Электронный ресурс]. – URL:
<http://mreadz.com/new/index.php?id=5475>
6. Норианага, М. Тама кусигэ / Мотоори Норианага // Мир по-японски: Эстетические и этические ценности в японской литературе. – СПб.: Северо-запад, 2000. – 568 с.
7. Сайкаку, И. Пять женщин, предавшихся любви [Электронный ресурс]. – URL:<http://litrus.net/book/read/95772>
8. Сад плененных сердец. Классическая любовная проза Востока: Пер. с араб., перс., урду., малайск., кит., санскрит., япон. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
9. Свод молитв и религиозных церемоний 1875 г. [Электронный ресурс]. – URL:www.aikidoka.ru/traktat
10. Сэнзаки, Н. Плоть и кость дзэн / Нёгэн Сэнзаки, Пол Репс // Сборник старинных текстов. – Калининград: Российский Запад, 1992. – 192 с.
11. Хигути, И. Сверстники [Электронный ресурс]. – URL:http://royallib.com/book/itiyo_higuti/sverstniki.html
12. Цунэтомо, Я. Хагакуре. Сокрытое в листве. Кодекс чести самурая / Ямамото Цунэтомо. – М.: Центрполиграф, 2016. – 319 с.

II. Литература

1. Арутюнов, С.А. Современный быт японцев / С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1968. – 232 с.
2. Арутюнов, С.А. Япония: народ и культура / С.А. Арутюнов, Р.И. Джарылгасинова. – М.: Восточная литература, 1991. – 163 с.
3. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
4. Венюков, М.И. Очерки Японии / М.И. Венюков. – СПб.: Типография Императорской АН, 1869. – 449с.
5. Верисоцкая, Е.В. Об особенностях развития национальных культур России и Японии в XVII–XIX вв.: религиозно-нравственные аспекты (постановка проблемы) / Е.В. Верисоцкая // Известия Восточного института. – 1997. – № 5. – С. 187–212.
6. Верисоцкая, Е.В. Эволюция либеральных взглядов в японском обществе в 1870-1880-х годах / Е.В. Верисоцкая.– Владивосток: Дальневосточное отд. института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1990. – 302 с.
7. Воробьев М.В. Древняя Япония: историко-археологический очерк / М.В. Воробьев. – М.: Восточная литература, 1958. – 183 с.
8. Востокова, А. Страна Восходящего Солнца. От древности до наших дней / А. Востокова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 256 с.
9. Гальперин, А.Л. Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVII в., середине XIX в./ А.Л. Гальперин // Очерки по истории русского востоковедения. – М.: Институт востоковедения АН СССР, 1956. – 659 с.
10. Галич, Ю.Н. Изменения в Основном законе об образовании Японии и морально-патриотическое воспитание в высшей школе / Ю.Н. Галич // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 11. – С. 16–21.

11. Герасимова, М.П. Киотский альбом: история, культура, традиции / М.П. Герасимова. – М.: Мысль, 2002. – 200 с.
12. Глускина, А.Е. Заметки о японской литературе и театре: древность и средневековье / А.Е. Глускина. – М.: Наука, 1979. – 296 с.
13. Горегляд, В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни / В.Н. Горегляд. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 352 с.
14. Горегляд, В.Н. Японская литература VIII—XVI веков: Начало и развитие традиций / В.Н. Горегляд. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001. – 400 с.
15. Горелов, А.А. История мировых религий / А.А. Горелов. – М.: Флинта, 2005. – 360 с.
16. Григорьева, Т.П. Красотой Японии рожденный / Т.П. Григорьева. – М.: Восточная литература, 1993. – 460 с.
17. Григорьева, Т.П. Японская художественная традиция / Т.П. Григорьева. – М.: Наука, 1979. – 240 с.
18. Груздева, М.В. Воспитание позитивных качеств национального характера в Японии / М.В. Груздева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2016. – № 2. – С.36-44.
19. Гришелева, Л.Д. Формирование японской национальной культуры: конец XVI - начало XX веков / Л.Д. Гришелева. – М.: Наука, 1986. – 305 с.
20. Гуревич, П.С. Культурология. Учебник для ВУЗов / П.С. Гуревич. – М.: Проект, 2003. – 534 с.
21. Дил, У. Япония. Средние века и начало Нового времени / Уильям Дил. – М.: Вече, 2011. – 464 с.
22. Дьяконова Е. Главные произведения японской литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://arzamas.academy/materials/714>
23. Завадский, Е.В. Японское искусство книги XVII-XIX веков / Е.В. Завадский. – М.: Искусство, 1986. – 221 с.

24. Игнатович, А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории / А.Н. Игнатович. – М.: Наука, 1988. – 209 с.
25. Иноземцев В. Старая экономика в новом столетии: опыт и уроки / В. Иноземцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 12. – С. 115-119.
26. Киященко, Н.И. Современные концепции эстетического воспитания: Теория и практика / Н.И. Киященко. – М.: ИФРАН, 1998. – 185с.
27. Кин, Д. Японская литература XVII-XIX столетий / Дональд Кин. – М.: Наука, 1978. – 432 с.
28. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 441 с.
29. Кожевников, В.В. Очерки древней истории Японии / В.В. Кожевников. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1998. – 204 с.
30. Конрад, Н.И. Очерки истории культуры средневековой Японии VII-XVI веков / Н.И. Конрад. – М.: Искусство, 1979. – 198 с.
31. Конрад, Н.И. Очерки японской литературы / Н.И. Конрад. – М.: Художественная литература, 1973. – 462 с.
32. Конрад, Н.И. Японская литература в образцах и очерках / Н.И. Конрад. – М.: Наука, 1991. – 562 с.
33. Крузенштерн, И.Ф. Первое российское плавание вокруг света / И.Ф. Крузенштерн. – М.: Дрофа, 2007. – 312 с.
34. Кудро, Н.М. Проблема ценностно-духовного наполнения современного профессионального образования: изучение опыта Японии / Н.М. Кудро // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 27. – С. 65-86.
35. Кузнецов, Ю.Д. История Японии / Ю.Д. Кузнецов, Г.Б. Навлицкая, И.М. Сырицын. – М.: Высшая школа, 1988. – 432 с.
36. Ладанов, И.Д. Японцы. Этнопсихологические очерки / И.Д. Ладанов, В.А. Пронников. – М.: Наука, 1996. – 348 с.

37. Латышев, И.А. Семейная жизнь японцев / И.А. Латышев. – М.: Наука, 1985. – 287 с.
38. Латышев, И.А. Япония, японцы и японоведы / И.А. Латышев. – М.: Алгоритм, 2001. – 832 с.
39. Лепешев, Д.В. Аналитический обзор философии воспитания и проблем суицида в Японии / Д.В. Лепешев, Р.К. Аккалиев // Современные векторы развития науки в Казахстане: теория и опыт: сб. научных трудов Международной научно-практической конф. Кокшетау, 1 окт. 2013 г. – Кокшетау, 2013. – С. 67-75.
40. Лещенко, Н.Ф. Исторические корни японской философии бизнеса / Н.Ф. Лещенко // Япония 2000: консерватизм и традиционализм. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 193-210.
41. Лобанов, И.Н. Художественные традиции Японии: их интерпретация и ценность в современном мире / И.Н. Лобанов // Ценности и смыслы. 2011. – № 1. – С.93-107.
42. Маркарьян, С.Б. Образ жизни и ценностные ориентации японцев в преддверии XXI века/ С.Б. Маркарьян. – М.: Восточная литература, 1999. – 275 с.
43. Маркарьян, С.Б. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции / С.Б. Маркарьян. – М.: Наука, 1990. – 248 с.
44. Маркарьян, С.Б. Япония в интернационализирующемся мире: социокультурный аспект / С.Б. Маркарьян // Япония и современный мировой порядок. – М.: Восточная лит. – 2002. – С. 135–150.
45. Мещеряков, А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма / А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2009. – 276с.
46. Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм (проблема синкретизма) [Электронный ресурс]. – URL: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/>
47. Мещеряков, А.И. Древняя Япония: культура и искусство / А.И. Мещеряков. – М.: Наука, 1991. – 247 с.

48. Мисима Ю. Хагакуре Ньюмон [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.com/book/hagakure_nyumon.html
49. Митико, И. Образ Японии в России в период Эдо (XVII-XIX вв.) / Икута Митико // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. – 2005. – № 9. – С. 107-127.
50. Михайлова, Ю.Д. Общественно-политическая мысль Японии: 60-80-е годы XIX века / Ю.Д. Михайлова. – М.: Наука, 1991. – 85с.
51. Молодяков, В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика / В.Э. Молодяков. – М.: Восточная литература, 1999. – 120с.
52. Молодякова, Э.В. Японское общество: Книга перемен / Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарьян. – М.: Институт востоковедения РАН, 1996. – 252 с.
53. Николаева, Н.С. Образы Японии: очерки и заметки / Н.С. Николаева. – М.: Восточная литература, 2009. – 206 с.
54. Николаева, Н.С. Японские сады / Н.С. Николаева. – М.: Искусство, 1975. – 245 с.
55. Овчинников, В.В. Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы / В.В. Овчинников. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 222 с.
56. Петров, Д.В. Япония наших дней / Д.В. Петров. – М.: Знание, 1979. – 301 с.
57. Пинус, Е.М. Городская литература Японии XVII в. и вопросы развития литературного метода / Е.М. Пинус // Вестник Ленинградского университета. – 1960. – № 14. – С. 51-60.
58. Попов, К.А. Законодательные акты средневековой Японии / К.А. Попов. – М.: Наука, 1984. – 187 с.
59. Пронников, В.А. Японцы: этнографический очерк / В.А. Пронников. – М.: Восточная литература, 1983. – 270 с.
60. Радуль-Затуловский, Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии / Я.Б. Радуль-Затуловский. – М., Л.: Издательство АН СССР, 1947. – 254 с.

61. Рамзес, В.Б. Японский калейдоскоп / В.Б. Рамзес. – М.: Восточная литература, 2006. – 212 с.
62. Ратти О. Секреты самураев. Боевые искусства феодальной Японии / О. Ратти, А. Вестбрук. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 544 с.
63. Румак (Федукина), Ю.С. Традиции гендерных отношений в японской культуре: средние века/ Ю.С. Федукина// Перспективы общественного развития в эпоху столкновения цивилизаций: сб. науч. работ: в 2 ч. – Саратов: Научная книга, 2007. – Ч.1. – С. 192-197.
64. Редько, Т.И. Творчество Ихара Сайкаку: к вопросу о новаторстве в японской литературе XVII века / Т.И. Редько. – М.: Наука, 1980. – 173 с.
65. Рыбалко, С.Б. Японский костюм второй половины XIX – первой трети XX столетия: иконография войны / С.Б. Рыбалко // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2012. – № 2–3. – С. 52-70.
66. Сайкаку И. [Электронный ресурс]. – URL: <http://iapan-lit.livejournal.com/7917.html>
67. Салимова, К. Педагогика народов мира. История и современность / Кадрия Салимова, Нана Додде. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – 350с.
68. Светлов, Г.Е. Путь богов: синто в истории Японии / Г.Е. Светлов. – М.: Мысль, 1985. – 240 с.
69. Светлов, Г.Е. Традиционные верования Японии / Г.Е. Светлов // Религии в XX веке: Локальные и синкретические культы. – 1991. – С. 189-190.
70. Сила-Новицкая, Т.Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика / Т.Г. Сила-Новицкая. – М.: Наука, 1990. – 206 с.
71. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
72. Сусов, И.П. Языкознание в Японии / И.П. Сусов // История языкознания: Учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. –С. 176-241.

73. Сычева, Е.С. Традиционные ценности в современной массовой культуре Японии / Е.С. Сычева // Вестник МГИМО. – 2014. – № 2 (35).– С. 260-263.
74. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.
75. Цед, Н.Г. Дух самурая - дух Японии / Н.Г. Цед. – СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2000. – 256 с.
76. Ямагучи, М. Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии / Майчи Ямагучи. – СПб.: Ориенталист, 1913. – 110 с.
77. Япония в XIX веке [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldhis.ru/yaponiya>
78. Япония и японцы в XIX веке [Электронный ресурс]. – URL: <http://19centur.ru/far-east/-19-japon.html>
79. Япония XVII-XIX вв. История «Мирного государства» эпохи Эдо [Электронный ресурс]. –<http://jamato.ru/istoriya-yaponii/10-mirnoe-gosudarstvo-epokhi-edo-17-19-vek>